Тим
СЕВЕРИН

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ВИКИНГ: ПОСЛЕДНИЙ КОНУНГ

Тим Северин
Последний Конунг
Серия «Викинг», книга 3

OCR Ustas, spellcheck Calliope
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154697
Викинг: Последний Конунг: [роман] Тим Северин; [пер. с англ. В. Тихомирова]. : Эксмо, Мидгард; Москва, Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-699-19239-5, 5-699-19241-7
Оригинал: TimSeverin, “Viking: King's Man”
Перевод:
Валерий Тихомиров

Аннотация

Этих людей боялись.

Этих людей проклинали.

Этими людьми восхищались.

В поисках славы они покидали свои студеные земли и отправлялись бороздить моря и покорять новые территории. И всюду, куда бы ни приходили, они воздвигали алтари в честь своих богов – рыжебородого Тора и одноглазого хитреца Одина. Эти люди вошли в историю и остались в ней навсегда – под гордым именем викингов…

Эпоха викингов завершилась столь же неожиданно, как и началась, – на арену истории вышли новые силы. Старые боги покинули своих приверженцев, героический Север растратил

воинственный пыл в междоусобных стычках. И Торгильсу, сыну Лейва, ведомому волей Одина, выпало стать свидетелем заката этой бурной эпохи.

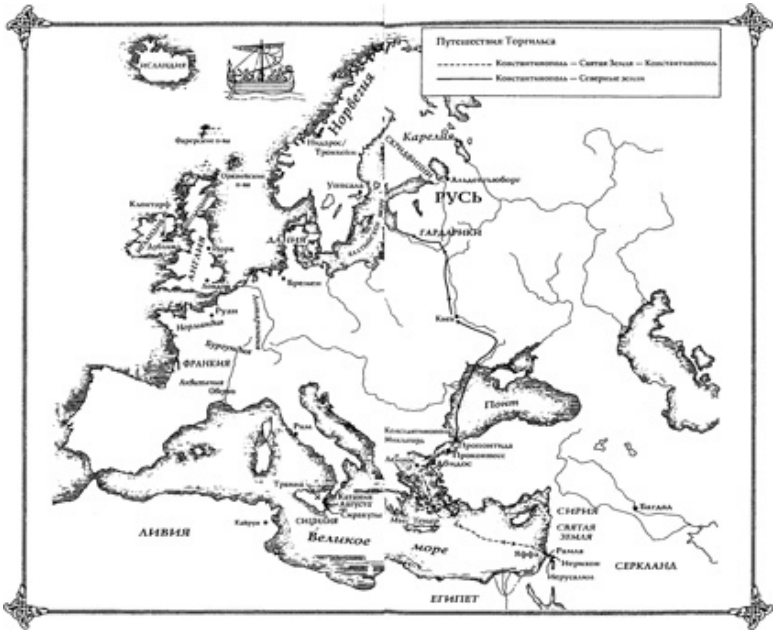
Содержание

Карты 5
Пролог 8
Глава 1 10
Глава 2 37
Глава 3 72
Глава 4 106
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Тим Северин
Последний Конунг

Карты

Путешествия Торгильса
Норвегия – Шотландия
Норвегия – двор гордого Вильгельма
Нормандия – Англия
ИСЛАНДИЯ
НОРВЕГИЯ
Фарерские о-ва
Оркнейские о-ва
Английское море
ДАНИЯ
АНГЛИЯ
Нормандия
Бургундия
ФРАНКИЯ


Путешествия Торгильса
Константинополь — Святая Земля — Константинополь
Константинополь — Северные земли
ИСЛАНДИЯ
Норвегия
Карелия
РУСЬ
ГАРДАРИКИ
ДАНИЯ
ЛИГИЯ
ФРАНКИЯ
Рим
Понт
Константинополь
Мюллеарь
Пропонтида
Проконнесс
Абидос
Трапезо
Катаяна
Августа
Сарапулы
Кавуса
СИЦИЛИЯ
ЛИВИЯ
Великое
море
СИРИЯ
СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ
Рамла
Иерусалим
Яффа
СЕРКЛАНД
ЕГИПЕТ

Пролог

Святому благоверному господину моему аббату Геральдусу, покорствуя воле твоей, отсылаю сию третью, остатнюю, часть писаний лжемонаха того, Тангбранда. В несчастливый же день обнаружил я в нашем книгохранилище те еще, первые, пергаменты! Да простится мне грех – любопытство и нетерпение, соблазнившие глаза мои на прочтение оных.

А и в сих листах мне открылись лжесвидетельства, преискусно в сию повесть впряденные соблазнения ради легковерных читателей. Ибо змий сей, пригревшийся на груди у нас, клевету возводит и на братии наших во Христе, обвиняя в низости и нечестивости, и в бесстыдстве своем похваляет святотатцев и разбойников. А и пуще того – средь схизматиков Востока пребывая, не способен он обуздать свое жало змеиное.

Наипаче же прочего огорчительно, что сей лжемонах во Святую Землю ходил, совершил то паломничество, каковое является наибольшим желанием человека неимущего и недостойного, мне подобного. А что зрел он там, то порочит он нечестивым своим и языческим недоверием, тем желая сокрушить веру верующего в Слово Воплощенное. И вот, истинно сказано в Святом Писании: правда ложью обращается для злосердого и неверующего.

И преступно не менее прочего то его греховное словоизвержение, где касается он дел высоких, государственных. Ибо то есть посягательство на английский престол, и слова его посчитают изменою те, кому сии дела ведать положено.

А и хватит толковать о нем – да оставим сего благочестивейшего, да воздаст ему за все труды его наисмиреннейшие Суд Праведный.

И когда же придет конец лжи и козням самозванца сего? В страхе Божьем уповаю на его спасение, ибо не сказано ли, что и птаха малая не влетит в тенета без произволенъя Божьего, а когда Бог того пожелает, то и кончится все благополучием?

Этельред, ризничий и библиотекарь.

Писано в месяце януарии в год от Рождества Господа нашего одна тысяча семьдесят третий.

Глава 1

Император в дворцовом бассейне изображает кита. Окунется с головой, наберет в рот воды, потом вынырнет и выпустит фонтанчик. Я наблюдаю за ним краем глаза, не зная, что чувствовать – то ли презрение, то ли приязнь. В конце концов – человек-то он старый. Ему уже за семьдесят. И прикосновение теплой воды к прыщавой коже, равно как и ощущение невесомости, должны быть ему приятны. У него от болезни все тело, руки и ноги так раздулись, что даже ходьба вызывает боль. Я на прошлой неделе своими глазами видел, как после одной из их бесконечных церемоний вернулся он во дворец в таком изнурении, что рухнул на руки слугам, едва огромная бронзовая дверь затворилась за ним. А сегодня у христиан опять праздник, именуемый Великой Пятницей, и посему во второй половине дня должен состояться очередной императорский выход, и опять очень надолго. Так что, поразмыслив, я решил, что император вполне заслужил эти минуты расслабления, хотя видели бы его подданные, как он изображает кита в бассейне, вот было бы им диво, ибо большая часть их почитает басилевса посланником Бога на земле.

Я передвинул тяжелую секиру на плече – под древком на моей алой рубахе образовалось сырое пятно. Пот струйками сбегал из-под края железного шлема, украшенного затейливой золотой мозаикой. Жара в этой палате с бассейном наго-

няла на меня сонливость. Я же старался не терять бдительности. Я – воин Этерии, императорского личного полка, моя обязанность – защищать жизнь басилевса Романа Третьего, правителя Византии, равноапостольного. С пятью такими же телохранителями из варяжской дружины я дал клятву оберегать императора от врагов, и он хорошо платит нам за это. У него есть все основания больше доверять нам, чем своим соотечественникам.

В дальнем конце бани толпится кучка приближенных императора, человек пять-шесть. Они разумно держатся подальше от своего господина, и не только ради того, чтобы дать ему возможность уединиться, но еще и потому, что болезнь сделала его весьма раздражительным. Всем уже известно, что басилевс стал слишком вспыльчив. Любой пустяк, неподходящее слово или жест могут вызвать у него приступ гнева. Я уже три года служу во дворце, и на моих глазах он, прежде справедливый и щедрый, постепенно превратился в желчного и злобного старика. На тех, кто привык получать от его щедрот в знак благоволения богатые подарки, теперь он не обращает внимания либо подвергает опале. К счастью, со своей личной гвардией басилевс пока еще подобным образом не обращается, и мы по-прежнему отвечаем ему полной преданностью. Мы никогда не участвовали в заговорах и кознях, какие непрерывно плетутся разными группами царедворцев ради своей выгоды. Рядовые дружинники даже и языка их не знают. Старшинствуют над на-

ми греки-патрикии, а младшие начальники и дружина набираются из северян, и между собой мы говорим по-норвежски. Придворный чиновник, имеющий титул великого толмача Гейтары, должен бы общаться с телохранителями, но это всего лишь пустое место, еще один пышнозвучный титул при дворе, зачарованном иерархией рангов и церемониями.

– Гвардеец! – окрик прервал мои размышления.

Окликнул меня один из придворных. Я узнал хранителя императорской чернильницы. Сей пост, несмотря на свое пышное наименование, был и вправду из наиважнейших. По должности хранитель должен подавать пузырь с чернилами всякий раз, когда басилевс желает подписать какую-либо государственную грамоту. На самом же деле он служит личным письмоводителем императора. Этот пост открывает ему свободный доступ к особе императора – преимущество, какого нет даже у высших сановников, коим приходится получать предварительное разрешение, чтобы предстать перед басилевсом.

Хранитель вновь поманил меня рукой. Я взглянул на басилевса. Роман по-прежнему плескался и пускал струйки в бассейне, закрыв глаза, совершенно ублаготворенный в своем теплом водяном мире. Бассейн недавно углубили в середине, но все равно он довольно мелкий – везде можно достать ногами до дна, не погрузившись в воду с головой. Никакой опасности, похоже, нет. Я подошел к хранителю, он подал мне пергамент. Мелькнула императорская подпись пур-

пурными чернилами, и хранитель жестом показал, что я должен отнести свиток в соседнюю комнату, небольшой покой, где ждали нотариусы.

Использовать гвардейца как слугу – в этом нет ничего необычного. Дворцовые чиновники столь заботятся о своем достоинстве, что почитают унизительными для себя самые простые действия – скажем, своими руками открыть себе дверь или самому отнести куда надо свиток. Потому я взял пергамент и, подойдя к двери, еще раз глянул через плечо на бассейн – басилевс блаженствовал, наслаждаясь купаньем.

В соседней комнате меня ждал орфанотроп, то бишь попечитель городского сиротского приюта, заведения, каковое содержится за счет имперской казны. Впрочем, и этот титул ни в малейшей степени не отражал его истинного значения. Орфанотроп Иоанн прослыл самым могущественным человеком в империи, не считая басилевса. Сочетание лукавого ума и искусного рвения позволило Иоанну преодолеть все ступени имперской иерархии и стать по сути, пускай не по титулу, первым сановником империи. Этого худощавого человека с длинным лицом и глазами, глубоко сидящими под удивительно черными бровями, все боятся, А еще у него не растет борода, он – евнух, скопец.

Я встал перед ним по стойке «смирно», но чести не от-

дал. Гвардеец обязан отдавать честь только басилевсу и ближайшим членам императорской семьи, а орфанотроп Иоанн родился явно не в пурпуре. Его род вышел из Пафлагонии, что на берегу Черного моря, и говорят, будто, поселившись в Константинополе, они стали менялами. А еще говорят, будто они чеканили фальшивую монету.

Я отдал пергамент, орфанотроп просмотрел его, а потом сказал мне медленно, произнося каждое слово нарочито четко:

– Отнеси это логофету казначейства.

Я покачал головой и ответил по-гречески:

– Прошу прощения, ваше превосходительство. Я в карауле и не могу покинуть особу императора.

Орфанотроп поднял брови.

– Надо же, гвардеец, а говорит по-гречески, – пробормотал он. – Дворец наконец-то становится цивилизованным местом.

– Можно бы вызвать кого-нибудь из деканов, – предложил я. – Это их обязанность – носить послания.

И понял, что совершил ошибку.

– Это так, но и тебе не мешало бы знать свой долг, – язвительно ответил орфанотроп.

Обиженный этой насмешкой, я резко повернулся и зашагал обратно в купальню. Вернувшись в длинное помещение с высоким куполообразным потолком и стенами, украшенными мозаикой, изображавшей дельфинов и волны, я сра-

зу же понял, что случилось что-то страшное. Басилевс по-прежнему плавал в воде, но теперь он лежал на спине, слабо помахивая руками. Только тучность мешала ему утонуть. Придворных, прежде находившихся здесь, уже не было видно. Я положил секиру на мраморный пол, сорвал с головы шлем и бросился к бассейну.

– Тревога! Тревога! – кричал я на бегу. – Гвардейцы, ко мне!

Несколько прыжков, и я уже на краю бассейна. Как есть, во всем своем облачении, бросился я в воду и поплыл к басилевсу. Мысленно я возблагодарил моего бога Одина за то, что мы, северяне, учимся плавать с самого малолетства.

Басилевс, когда я добрался до него, словно не сознавал моего присутствия. Он едва двигался и время от времени с головой погружался в воду. Одной рукой поддерживая его под подбородок, я встал ногами на дно и потянул императора к краю бассейна, стараясь, чтобы голова его лежала у меня на плече и он не нахлебался воды. Тело его обмякло, а голова, лежащая на моем плече, была совсем лысой, если не считать нескольких всклокоченных волосинок.

– Гвардейцы, ко мне! – снова крикнул я. Потом добавил по-гречески: – Позовите врача!

На этот раз призыв был услышан. Несколько человек из челяди – писцы, слуги, придворные – вбежали в помещение и столпились у края бассейна. Кто-то, встав на колени, ухватил басилевса под мышки и вытащил. Вода с него текла ру-

чьем. Но помощники были неуклюжи и медлительны. Басилевс, лежащий на мраморном краю бассейна, больше прежнего напоминал кита – на этот раз выброшенного на берег и умирающего. Я вылез из бассейна и растолкал придворных.

– Помогите мне поднять его, – сказал я.

– Что здесь происходит, во имя Тора? – раздался голос. Это наконец-то прибыл декурион, начальник моей смены.

Он так свирепо глянул на таращащих глаза придворных, что те расступились. Мы с ним подняли обмякшее тело императора и отнесли к мраморной скамье. У кого-то из служителей купальни хватило сообразительности расстелить на скамье полотенце, прежде чем мы уложили на нее старика, который еще слабо шевелился. Декурион огляделся, сорвал с одного из придворных парчовую накидку и прикрыл ею нагого императора.

– Позвольте мне пройти, пожалуйста.

Это был один из дворцовых врачей, низенький пузатый человечек. Короткими пальцами он приподнял веки императора. Я заметил, как он трясется, как отдернул руку, словно ошпарился. Надо полагать, боится, что басилевс испустит дух от его прикосновения. Но глаза императора пока открыты, он слегка пошевелил головой и огляделся.

В этот момент среди глазеющих придворных произошло движение, их кольцо раздвинулось и пропустило женщину. То была Зоэ, императрица. Видно, ее вызвали из гинекея, женской части дворца. Я впервые увидел ее вблизи, и меня

потрясла ее выдержка. Несмотря на свой возраст, она держалась с огромным достоинством. Императрице не меньше пятидесяти лет, и она, пожалуй, никогда не отличалась красотой, но тонкий костяк лица говорил об аристократическом происхождении. Она была дочерью и внучкой императоров, и надменность ее служила тому доказательством.

Зоэ величаво прошла сквозь толпу и на расстояние вытянутой руки приблизилась к мужу, лежащему на мраморной скамье. На лице ее не отразилось никаких чувств, когда она устремила взгляд на императора, – тот был мертвенно-бледен и дышал с трудом. Мгновение она просто смотрела. Потом, не проговорив ни слова, повернулась и вышла.

Придворные старались не смотреть друг на друга. Все, в том числе и я, знали, что между императором и его женой не было любви. Предыдущий басилевс, Константин, настоял на их браке. Зоэ была любимой дочерью Константина, и в последние дни своего царствования он искал для нее подходящего мужа среди константинопольских аристократов. Отец и дочь оба желали обеспечить передачу власти внутри семьи, хотя Зоэ уже вышла из детородного возраста. Впрочем, это обстоятельство не помешало ей и Роману, когда они вместе взошли на трон, попытаться основать свою династию. Роман оглушал себя огромными дозами возбуждающих средств – по этой причине, говорят, он и облысел, – а его немолодая супруга увешивала себя амулетами, дарующими плодовитость, и советовалась с шарлатанами и знахарями, а те предлагали

все более и более невероятные средства, чтобы она забеременела. Когда же все эти старания ни к чему не привели, отношения их обернулись взаимной неприязнью. Роман завел любовницу, а Зоэ спровадили в гинекей, обиженную и разочарованную.

Но это еще не вся история. Не прошло и двух лет, как Зоэ завела любовника. Однажды, когда они совокуплялись, на них наткнулись наши гвардейцы, но сделали вид, что ничего не заметили. Таковую учтивость явили они не из уважения к императрице – она и не скрывала своей связи, – но потому, что ее избранником был младший брат орфанотропа Иоанна. Этих дел, в коих высокая политика смешивается с жаждой власти и похотью, лучше не касаться.

– Разойдитесь! – приказал декурион.

Он занял место в головах басилевса, на расстоянии копья от его лысой макушки, а я поневоле встал в ногах и тоже по стойке «смирно». Моя секира все еще валялась где-то на мраморном полу, но на поясе у меня висел кинжал, и я положил руку на его рукоять. Врач взволнованно вышагивал взад-вперед, ломая в тревоге руки. Вдруг Роман застонал, чуть-чуть приподнял голову с полотенца, служившего ему подушкой, и сделал слабый жест правой рукой. Он будто звал кого-то. Не понимая, на кого он указывает, никто не осмеливался пошевелиться. Благоговение и страх перед величием, испытываемые в присутствие особы императора, еще не покинули зрителей. Взгляд императора медленно перемещался

по лицам наблюдающих за ним придворных. Он будто пытался что-то сказать, умолял о чем-то. Его гортань двигалась, но ни звука не доносилось. Потом глаза закрылись, голова упала и скатилась набок. Он тяжело задышал, дыхание вырывалось из него короткими прерывистыми толчками. Вдруг оно прервалось совсем, и рот открылся. Изо рта вылилась густая темно-коричневая жижа, еще два судорожных вздоха – и он испустил дух.

Я стоял неподвижно по стойке «смирно». Весть о смерти императора распространилась по дворцу, послышался топот ног, суматоха и в отдалении стенания и плач. Я не обращал на это внимания. Пока не будет коронован новый басилевс, обязанность гвардейца – охранять тело покойного императора.

– Торгильс, в своей мокрой форме ты похож на деревенского дурачка. Ступай в караульное помещение и доложи дневальному.

Это было сказано по-норвежски, и я узнал голос Хафдана, начальника моего отряда. Тучный Хафдан, ветеран, прослужил в дворцовой гвардии почти десять лет. Он уже сколотил небольшое состояние, откладывая из своего жалованья, и мог бы выйти в отставку, но ему нравилась жизнь гвардейца, а со своей родной Данией он порвал все связи, так что идти ему было некуда.

– Скажи, что мы здесь, при императоре, на страже. И, пожалуй, посоветуй перекрыть входы-выходы из дворца.

Я зашагал прочь, подобрав шлем и секиру, которую кто-то любезно поднял с пола и прислонил к стене. Путь в караульню пролегал по лабиринту коридоров, приемных комнат и внутренних дворов. Роман Третий мог умереть в любом из своих дворцов – в каждом имелся бассейн для купания, – но он предпочел испустить дух в самом просторном из них – Большом Дворце. Этот дворец, стоящий почти на самой оконечности полуострова, столько раз расширялся и перестраивался императорами, обитавшими в нем, что превратился в беспорядочное скопище палат и покоев. Возводить все более великолепные строения стало для каждого обладателя пурпурного трона увлечением, граничащим с манией. Каждый басилевс желал обессмертить свое правление, оставив по себе не менее одного необыкновенного сооружения, будь то новая церковь, монастырь, огромный дворец или какое-либо вычурное общественное здание. Роман без устали тратил миллионы золотых монет на необыкновенный новый храм матери своего Бога, хотя, по мне, церквей и монастырей, ей посвященных, и без того более чем достаточно. Вокруг нового храма Прославления Богоматери собирались разбить сады с аллеями и фонтанами; замыслы то и дело менялись, и приходилось разбирать уже наполовину законченное – на строительство уходило столько денег, что Роман установил особый налог, чтобы оплачивать его. Церковь эта еще не закончена, и надо думать, никогда уже не будет закончена. Я и сам удивился, как скоро начал думать о Романе в прошедшем

времени.

– Переоденься в сухое и ступай к караульщикам у главных ворот, – приказал дневальный, когда я доложил о себе. Ему было не больше двадцати, но и он пребывал в столь же нервозном состоянии, что и врач, посетивший умирающего императора. Это грек из одной из знатнейших константинопольских семей, немало заплатившей за покупку должности в императорской гвардии. Во дворец его устроили в надежде, что ему как-нибудь удастся привлечь внимание басилевса и получить повышение. Теперь их денежки пропадут, коль скоро новый басилевс из соображений собственной безопасности заменит все наше греческое начальство. Вот еще одно лукавство, столь присущее дворцовой жизни: византийское общество по-прежнему делает вид, что Этерия – греческая. Дети знатных семейств гордятся тем, что они гвардейцы и носят знаки отличия старых дворцовых полков – Схола, Экскувиты, Нумера и прочее, – но когда доходит до настоящего дела, басилевс доверяет только нам, чужеземцам, своим дворцовым варягам.

Я присоединился к двадцати моим товарищам у главных ворот. Они уже накрепко замкнули створы, не испросив на то разрешения у хранителя, чьей обязанностью было надзирать за открытием ворот на рассвете, закрытием в полдень и повторным открытием на несколько часов под вечер. Однако сегодня смерть императора лишила его власти, и хранитель в растерянности не знал, что предпринять. Декурион решил

за него. Он приказал никого не впускать и не выпускать.

Когда я появился у ворот, там что-то происходило, слышался громкий стук и громогласные нетерпеливые крики.

– Хорошо, что ты пришел, Торгильс, – заметил начальник караула. – Может, хоть ты поймешь, чего хотят эти бешеные люди там, снаружи.

Я прислушался.

– Думаю, им лучше открыть, – сказал я. – Похоже, за воротами стоит Великий патриарх и требует, чтобы его впустили.

– Великий патриарх? Этот старый козел в черной одежде, – проворчал начальник караула, стойкий приверженец исконной веры. – Ребята, отворите боковую калитку и впустите монахов. Но зажмите носы. Они редко моются.

Мгновение спустя разъяренная ватага монахов, все с бородами по грудь и в черных одеяниях, ворвалась в открытую калитку и, окинув нас свирепыми взглядами, поспешила по коридорам, добродетельно шлепая сандалиями и клацая своими деревянными посохами по мраморным плитам пола. Среди них я увидел белобородую фигуру Алексея Студийского – главного церковного начальника империи.

– Интересно, с какой стати они примчались сюда из своих монастырей? – пробормотал кто-то из варягов, закрывая калитку и опуская засов.

На этот вопрос ответ был получен позже, когда наша смена кончилась и мы вернулись в караульню. С полдюжины моих соратников бездельничали там и скалили зубы.

– Эта старая сука уже добыла себе нового мужа. Едва убедилась, что Роман явно не жилец, как тут же послала за высшим священником.

– Я знаю, мы впустили его с его воронами.

– Ну так вот, наверняка она призвала их не для того, чтобы они совершили над ее возлюбленным супругом последние обряды. Священники еще были в пути, когда эта старуха срочно созвала своих советников, в том числе и эту хитрющую змею, орфанотропа. Она сообщила им, что желает, чтобы ее возлюбленный стал новым басилевсом.

– Неужели этот пустоголовый красавчик?!

– У нее уже все продумано. Она утверждает, что по праву императорского происхождения она осуществляет преемственность власти в государстве и что «ее дорогой Михаил» – так она назвала его – должен взойти на трон вместе с ней в интересах империи.

– Ты что, шутишь? Откуда ты все это знаешь?

Гвардеец презрительно фыркнул.

– Орфанотроп поручил четверым из нас охрану императрицы на случай покушения на ее жизнь. Само собой, это была уловка. Когда появились остальные придворные, чтобы обсудить все это дело насчет преемника, они увидели там гвардию и пришли к выводу, что все уже решено.

– А что было, когда пришел высший священник?

– Он сразу же приступил к обряду – повенчал старуху с ее молодым любовником. Наверняка она дала ему хорошую

мзду, и через час они стали мужем и женой.

Этот причудливый рассказ был прерван появлением еще одного начальника-грека, каковой, вбежав в караульню весь всполошенный, велел снаряжать полный наряд императорского караула. Он кричал, чтобы мы поторапливались. Пришлось нам обрядиться и отправиться с ним в Триклиний, огромный зал для приемов.

Три десятка воинов при всем параде шагали по коридорам в огромный зал с мозаичным полом, увешанный шелковыми стягами и украшенный богатыми иконами, где василевс официально принимал своих сановников, иностранных послов и прочих знатных особ. Два разукрашенных трона стояли на возвышении в дальнем конце зала, и наш начальник провел нас прямо к нашему месту – мы должны стоять полукругом позади возвышения, откуда виден весь приемный зал. Дюжина конюших и главный церемониймейстер Триклиния деловито проверяли, все ли в порядке к прибытию их величеств. Скоро императрица Зоэ и ее молодой муж вошли в зал и быстро направились к престолам. Рядом шел орфанотроп, несколько священников высокого ранга и стая придворных из дворцовых приверженцев императрицы. Зоэ и Михаил взошли на возвышение, наш начальник-грек подал знак, и мы, дружина телохранителей, послушно подняли наши секиры перед собой в положенном приветствии. Императрица и император повернулись к залу. Когда они уже собирались сесть, произошла неожиданная заминка. По обы-

чаю гвардия подтверждает присутствие басилевса, когда тот занимает место на троне. Император опускается на трон, а гвардия возлагает секиры на правое плечо. Это означает, что все в порядке и что дела в империи идут нормально. Теперь же, когда Зоэ и Михаил готовы были усесться на свои подушки на тронах, мои товарищи и я стали вопросительно переглядываться. Прошло мгновение, а мы не двигались. Я шкурой почувствовал, как в тревоге напрягся наш начальник-грек, но тут гвардия единым движением поместила секиры на плечо. Я буквально услышал вздох облегчения, который испустила свита Зоэ.

Заминка миновала, а церемония почти сразу обернулась потехой. Должно быть, сторонники Зоэ разослали извещения по всему дворцу, созвав старших министров и их подчиненных, каковые и явились один за другим. Многие, как я полагаю, шли, думая, что им предстоит отдать почести телу покойного императора. Вместо этого они столкнулись с удивительным зрелищем – вдова, уже вновь вышедшая замуж, восседает рядом с новым супругом, каковой чуть ли не во внуки ей годится. Неудивительно, что некоторые вновь прибывшие запинались на пороге в ошеломлении. Величественная императрица и ее юный супруг крепко держали в усыпанных драгоценностями руках знаки государственной власти, их сверкающие одежды были старательно уложены пажами, и на лице Зоэ было написано, что она ждет выражения полного почтения. Стоя позади возвышения, я видел,

как глаза придворных вбирали в себя эту сцену – надменная императрица, ее муж-мальчик, ждущая кучка высших сановников и зловещая фигура орфанотропа, брата Михаила, подмечающего, как реагирует каждый вновь прибывший. Несколько мгновений нерешительности и подсчетов – и высшие министры и придворные выходили вперед к двойному трону, низко кланялись императрице, потом становились на колени и целовали кольцо ее светлоглазого мужа, какового шесть часов тому назад все считали всего лишь тайным любовником Зоэ.

На следующий день мы хоронили Романа. Накануне вечером кто-то – вероятно, сам необычайно расторопный орфанотроп – приказал облачить распухшее тело в парадные одеяния из пурпурного шелка и положить на носилки. В час восхода солнца похоронная процессия уже собралась, и каждый стоял на положенном месте в соответствии со своим рангом, и главные ворота дворца были распахнуты настежь. Когда процессия вышла на Мессу, широкую главную улицу, делившую город пополам, я был в числе той сотни гвардейцев, которой надлежало по обычаю шагать прямо перед и за покойным басилевсом. Меня удивило количество жителей Константинополя, тем утром покинувших свои постели в такую рань. Быстро, должно быть, разлетелась по городу весть о внезапной смерти басилевса. Стоявшие в первых рядах плотной толпы, выстроившейся вдоль улицы, своими глазами могли видеть восковую кожу и распухшее лицо по-

койного императора. Ибо голова его и руки оставались непокрытыми. Раз или два я слышал, как в толпе кто-то восклицал: «Отравили!», но по большей части народ хранил жуткое молчание. Не было ни печали, ни сожалений по поводу смерти Романа Третьего. Как я понимаю, не очень-то его любили в Константинополе.

У большого форума Амастратиона мы свернули налево и через полмили вышли на Триумфальную. Обычно император следовал по этой широкой улице во главе своего победоносного войска под приветственные крики толпы, показывая захваченные трофеи и вереницы побежденных врагов в цепях. Теперь Романа несли в противоположном направлении при мрачном молчании, нарушаемом только потрескиванием колес колесницы с его носилками, стуком лошадиных копыт и глухой поступью сотен и сотен обычных горожан, следовавших за процессией из простого поганого любопытства. Они прошли с нами всю дорогу до огромной недостроенной церкви Прославления Богоматери – ее Роман замыслил и он же первый воспользовался плодами собственной причуды. Здесь священнослужители торопливо уложили его в зелено-белый саркофаг, каковой сам же Роман для себя и выбрал, следуя еще одному любопытному обычаю империи, согласно которому басилевс должен избрать себе гроб в день восшествия на престол.

Потом хмурая безразличная толпа разошлась, а мы поспешно вернулись во дворец, ибо нельзя было терять ни ми-

нуты.

– Два парада в один день, но оно того стоит, – бодро воскликнул Хафдан, сбросив темный кушак, каковым был препоясан во время похорон, и заменив его кушаком, сверкающим золотым шитьем. – Слава Христу, остается только короткое шествие во второй половине дня, и, что бы там ни случилось, а оно состоится, потому что сегодня Пальмовое воскресенье.

Хафдан, как и многие гвардейцы, был наполовину христианин, наполовину язычник. Для виду он присоединился к религии Белого Христа – божился его именем, посещал богослужения в новой церкви святого Олава, недавно построенной рядом с казармой нашего полка у Золотого Рога, главной гавани Константинополя. Но на шее он носил, кроме креста, и молот Тора – амулет на кожаном ремешке, а будучи в подпитии, не раз заявлял, что по смерти предпочел бы пировать и сражаться в Валгалле у Одина, чем стать бескровной тварью с крылышками, как у хохлатого голубя, в христианском раю.

– Торгильс, где ты научился так хорошо говорить по-гречески? – Вопрос был задан одним из варягов, накануне стоявшим у дворцовых ворот. Он недавно поступил в гвардию.

– Он слизал каплю крови Фафнира, вот как, – вмешался Хафдан. – Дай Торгильсу две недели, и он выучит любой язык, даже птичий щебет.

Я не обратил внимания на эту тяжеловесную попытку

сострить.

– Меня заставили изучить греческий, когда я был еще мальчишкой, – сказал я. – В одном ирландском монастыре.

– Ты был монахом? – удивился этот человек. – Я думал, ты приверженец Одина. По крайней мере, так мне сказали.

– Так оно и есть, – ответил я. – Один присматривал за мной в монастыре и вызволил оттуда.

– Значит, ты должен знать про всю эту чушь – про священные образы и останки, и кости святых и все такое, что они тут таскают во время своих шествий.

– Кое-что знаю. Но то христианство, которое меня заставили изучить, отличается от здешнего. Это, конечно, тот же Бог, но почитают его по-другому. Должен сказать, я не слыхивал и о половине тех святых, почитаемых здесь, до поры, пока сам не приехал сюда.

– Ничего странного, – проворчал варяг. – На прошлой неделе на рынке какой-то торгаш пытался продать мне человеческую кость. Твердил, что она от правой руки святого Димитрия, и я должен купить ее, потому как я солдат, а святой Димитрий был воинственным человеком. Он твердил, что его останки принесут мне победу в любом бою.

– Надеюсь, ты ее не купил.

– Еще чего! Да и кто-то из толпы предупредил, мол, этот торгаш продал уже столько костей от рук и ног святого Димитрия, что сей мученик, надо полагать, был подобен многоножке. – И он издевательски рассмеялся.

Позже в тот день я получил подтверждение словам этого воина, когда мы шагали приветствовать нашего нового молодого басилевса, которого должны были объявить Михаилом Четвертым перед собранием городских священников в церкви Айя-София. Идучи к храму, мы едва шевелили ногами, а не вышагивали, ибо в процессии тащилось множество священников с изображениями святых, нарисованных на досках, они сгибались под тяжестью стягов и знамен, вышитых священными символами, либо несли ценные реликвии своей веры, запечатанные в золотых и серебряных ларцах. Прямо впереди меня несли самую почитаемую вещь – кусочек деревянного креста, на котором висел и умер их Христос, и я подумал – а вдруг Один, мастер менять облик, перевоплотился в их Иисуса. Отец богов ведь тоже висел на дереве, и бок его пронзило копье, когда он пытался постичь мировое знание. Жаль, подумал я, что христиане так убеждены, что их вера – единственная истинная. Будь они немного терпимее, они признали бы, что у других религий есть свои достоинства. Приверженцы исконной веры охотно разрешают другим следовать за своими богами, и мы никому не пытаемся навязать свои взгляды. Однако надо отдать должное христианам Константинополя, они, по крайней мере, не столь фанатичны, как их братья далеко на севере, каковые усердно искореняют все, что считают язычеством. В Константинополе было больше терпимости, в шестом квартале стояла мечеть, где сарацины могли молиться, и имелось несколько

синагог для иудеев.

В сотне шагов от дверей Айя-Софии мы, гвардейцы, остановились, а остальные участники процессии торжественно прошли дальше и вошли в храм. Священники не питали любви к варягам, и мы привычно ждали снаружи, пока шла служба. Может быть, считалось, что никто не покусится на жизнь басилевса в столь священном здании, но у меня на этот счет имелись некоторые сомнения.

Хафдан позволил нам стоять вольно, и мы лениво переговаривались между собой, ожидая окончания службы, чтобы потом сопроводить басилевса обратно во дворец. Именно тогда я заметил некоего молодого человека в характерном для горожанина средней руки платье с наголовником, судя по виду – мелкого служащего. Он подходил то к одному, то к другому гвардейцу и пытался заговорить с ними. Должно быть, он задавал вопрос по-гречески, ибо гвардейцы либо непонимающе качали головами, либо не обращали на него внимания. Наконец, кто-то указал в мою сторону, и он подошел ко мне. Он назвался Константином Пселлом и сказал, что учится в этом городе, желая поступить на императорскую службу. Я решил, что ему не больше шестнадцати-семнадцати лет, он был раза в два младше меня.

– Я задумал написать историю империи, – сказал он, – по главе на каждого императора, и был бы очень благодарен за любую подробность, касающуюся последних дней басилевса Романа.

Мне понравилась его церемонная вежливость, на меня произвел впечатление его быстрый ум, и я решил помочь ему.

– Я был там, когда он утонул, – сказал я и коротко описал то, что видел.

– Ты говоришь, он утонул? – осторожно заметил молодой человек.

– Да, похоже, именно так. Хотя он испустил дух тогда, когда его уложили на скамью. Может быть, у него отказало сердце. В конце концов, он был уже стар.

– Я видел его тело вчера, когда его везли во время похоронной процессии, и мне показалось, что выглядел он очень странно, такой распухший и серый.

– Ну, так он выглядел уже довольно давно.

– Не думаешь ли ты, что он умер от чего-то другого, может быть, от какого-то медленно действующего яда? – предположил молодой человек так спокойно, будто разговор у нас идет о погоде. – Или, может быть, тебя нарочно отозвали подальше от бассейна, чтобы кто-то смог подержать императора подольше под водой, чтобы вызвать сердечный приступ.

Вероятность отравления обсуждалась в караульне с момента смерти императора, и некоторые из нас заходили так далеко, что спорили, был ли тот яд, которым травили Романа, чемерицей или чем-то другим. Но расследовать такую возможность – не наше дело, ибо нашей обязанностью было оборонять его от прямого нападения, скажем, загородить

щитом или отвести удар секирой, а не от незаметного смертельного яда в пище или питье. На эту работу басилевс нанимал тех, кто пробовал его пищу, хотя их могли подкупить, чтобы они только притворялись, и любой сообразительный убийца постарался бы достать медленно действующий яд, чтобы его действие нельзя было обнаружить, пока не станет слишком поздно.

Однако другое предположение юноши – что меня отозвали, чтобы Роман остался без охраны, меня встревожило.

Если так оно и было, значит, хранитель чернильницы определенно замешан в смерти басилевса, а возможно, и попечитель сирот, орфанотроп, тоже. Я вспомнил, как он пытался послать меня с пергаментом к логофету финансов. Это задержало бы меня еще дольше. От мысли о том, что я мог быть обманом вовлечен в смерть басилевса, по спине у меня пробежал холодок. Мне грозила настоящая опасность. Всякого гвардейца, коль скоро обнаруживалось, что он небрежно отнесся к охране басилевса, казнил начальник его отряда, обычно – прилюдным отсечением головы. Больше того, коль Романа на самом деле убили, то я стал возможным свидетелем, а это означает, что преступники постараются меня уничтожить. Любой из них, даже не столь могущественный, как орфанотроп, легко мог велеть убить меня, к примеру, в драке в таверне.

Тут мне стало страшно.

– Кажется, священники запели, – прервал мои размыш-

ления Пселл, тоже как-то встревоженно. Возможно, понял, что зашел слишком далеко в своих предположениях и ведет почти преступные речи. – Наверное, открывают двери Айя-Софии, сейчас появится наш новый басилевс. Мне пора отпустить тебя. Спасибо за сведения. Ты очень помог мне.

И он растворился в толпе.

Мы заняли свое место, окружив Михаила Четвертого, а он сидел на великолепном гнедом скакуне, одном из лучших в королевских конюшнях. Я вспомнил, что Роман слыл великим ценителем лошадей и выстроил замечательный конный завод, хотя сам был слишком хвор, чтобы наслаждаться верховой ездой. Теперь мне пришлось согласиться, что молодой Михаил, хотя и происходил из плебейской семьи, выглядит в седле воистину по-царски. Возможно, именно это и разглядела в нем Зоэ с самого начала. Хафдан рассказывал мне, что стоял в карауле, когда Зоэ впервые встретила своего будущего любовника.

– Только полный болван мог не заметить, как она на него смотрит. Она не могла оторвать от него взгляд. Орфанотроп представил его. Он привел Михаила в императорскую приемную и подвел его прямиком к двойному трону. Старый Роман был довольно любезен, но Зоэ смотрела на молодого человека так, словно хотела тут же его съесть. Он был хорош, это правда, свежее лицо, румяные щеки, и краснел он, как девушка. Уверен, что орфанотроп знал, что делает. Сам же все и устроил.

– Неужели все видели, а Роман даже не заметил? – спросил я.

– А старик тогда почти и не смотрел на императрицу. Куда угодно, только не на нее. Как будто само ее присутствие причиняло ему боль.

Я размышлял об этом разговоре на обратном пути в Большой Дворец. Мы вошли в обширный внутренний двор, и ворота за нами затворились. Наш новый басилевс спешился, подождал, пока придворные и чиновники строились в два ряда, а потом прошел между ними под рукоплескания ликующей свиты прямо во дворец. Я отметил, что басилевс не воспользовался охраной, и это казалось весьма необычным. Еще более странным было то, что придворные, нарушив строй, едва ли не толпой поспешили во дворец вслед за басилевсом. И Хафдан, к моему удивлению, припустился за ними, вопреки всем установлениям. То же сделали и другие гвардейцы, тогда и я стал проталкиваться и протискиваться вперед – все мы уподобились толпе зрителей, выходящих с конного ристалища по окончании состязаний.

Творилось что-то невообразимое. Вся казенная чопорность и щепетильность придворной жизни вдруг исчезла. Толпа министров, придворных, советников, даже священников – все ввалились в большой Триклиний. Там на возвышении сидел наш новый молодой император и улыбался нам. По обе стороны стояли два раба с сундучками в руках. Вот одни раб поднял свой сундучок, и поток золотых монет по-

лился на колени императора. Михаил схватил полную горсть монет и швырнул их высоко в воздух над толпой. Я разинул рот от удивления. Сверкающий ливень золотых монет, каждая ценой в шестимесячное жалованье работника, пролился в протянутые руки. Немногие были пойманы налету, но большая часть упала на мраморный пол с отчетливым звоном. Люди ползали, подбирая монеты, а тем временем император зачерпнул с коленей еще горсть, и вновь золотой дождь пал на головы. Тут-то я понял, почему Хафдан, нарушив все уставы, ринулся вперед. Начальник моего отряда пробился туда, где золотая дуга была самой густой, и ловил золотую добычу.

Я тоже присел и начал подбирать монеты. Но в то самое мгновение, когда мои пальцы ухватили первый золотой, мне в голову пришло, что самое разумное, что могу я сделать, это под каким-нибудь благовидным предлогом, не привлекая внимания, выйти в отставку из дворцовой гвардии, пока еще не поздно.

Глава 2

Мысль о том, что Роман был убит, грызла меня в последующие недели. Я размышлял о возможных последствиях моего невольного участия в цареубийстве и принял кое-какие меры для собственной безопасности. Я ел только общую пищу, приготовленную дружинными поварами, и выходил из казармы только по делам службы или в обществе двух-трех товарищей, да и посещал лишь те места, каковые, по моему убеждению, были безопасны. Мои товарищи, проведай они о моих страхах, начали бы презирать меня за трусость. По сравнению с другими известными мне городами – к примеру, с Лондоном – Константинополь был городом замечательно спокойным и благоустроенным. Градоначальник-эпарх содержал отряд хорошо обученных стражников, а множество городских служащих присутствовали на рынках, следя за честностью торговцев, чистотой и пристойностью поведения. Только по ночам, когда улицы отдавались на откуп ворам и проституткам, мои товарищи отягощали себя оружием для самозащиты. Но я не чувствовал себя в безопасности. Коль скоро меня необходимо заставить молчать о том, чему я был свидетелем в императорской купальне, значит, нападение произойдет тогда, когда я меньше всего жду этого.

Единственным человеком, кому я признался в своих стра-

хах, была моя подруга Пелагея. Она держала хлебный ларек на Мессе, и я навещал ее дважды в неделю, дабы поднатореть в разговорном греческом, ибо язык, заученный мной в ирландском монастыре, устарел и был ближе – такое вот совпадение – к языку, принятому при дворе императора, чем к языку простых людей. Бойкая, проницательная женщина с темными волосами и желтоватой кожей, что было присуще коренным жителям этого города, Пелагея преподала мне урок того, как витиевато мыслят в Византии – а это нередко позволяет извлечь выгоду даже из несчастья. Она завела свое дело спустя несколько дней после того, как ее муж, пекарь, сгорел во время пожара, начавшегося от печи для выпечки хлеба, давшей трещину. Городской закон запрещал ставить пекарни вблизи городских строений, иначе мог бы выгореть весь квартал. Зола на пожарище еще не остыла, когда Пелагея отправилась к другим пекарям, соперникам ее покойного мужа, и добилась их сочувствия. Она упросила их поставлять товар в ее ларек с немалой скидкой, и к тому времени, когда я познакомился с ней, успешно приближала тот день, когда станет богатой женщиной. Пелагея снабжала меня всеми городскими сплетнями о дворцовых интригах – именно об этом больше всего любили поболтать ее покупатели, да к тому же – и это куда важнее, – ее сестра была швеей императрицы Зоэ.

– Никто не сомневается, что Зоэ приложила руку к смерти Романа, хотя менее вероятно, что она же подстроила то, что

случилось в бане, – сказала Пелагея.

Мы встретились в просторных комнатах ее квартиры на третьем этаже. К удивлению таких, как я, выходцев из стран, где даже двухэтажные здания редкость, здесь, в Константинополе, множество домов имели по четыре и даже по пять этажей.

– Сестра говорит, что в покоях императрицы запросто можно добыть какие угодно яды. Их даже не держат под замком ради безопасности. У Зоэ страсть придумывать новые духи и притирания. Говорят, это осталось у нее с той поры, когда она хотела омолодиться и зачать ребенка. У нее целая рать служанок, и все они перетирают, смешивают и перегоняют разные снадобья, и иные составные части их уж точно ядовиты. Одна девица упала на днях в обморок только оттого, что вдохнула пары какой-то смеси.

– Значит, ты думаешь, что Зоэ могла быть отравительницей, но несчастный случай в купальне подстроила не она? – спросил я.

– Трудно сказать. Коль императрица и вправду задумала разделаться с Романом, чтобы править империей от имени своего бывшего любовника, то она промахнулась. Михаил, как рассказывает сестра, ведет себя так, словно он один за все отвечает. О государственных делах с ней даже не советуются – обо всем заботится его брат, орфанотроп. Стало быть, коль скоро Зоэ не имеет никакого отношения к этому убийству, она вполне может выдвинуть обвинение про-

тив нового басилевса, чтобы низложить его. В любом случае, тебе-то грозит настоящая опасность. Если только начнется разбирательство, следственная палата будет вызывать свидетелей смерти Романа, а там свидетелей допрашивают обычно под пыткой.

– Я не понял. Коль скоро Зоэ с Михаилом были в сговоре, то ни ей, ни ему нет расчета в разбирательстве – все может открыться. А коль виноват только Михаил, да еще, может быть, орфанотроп, тогда Зоэ вряд ли захочет навредить тому, в кого влюблена до безумия.

– Ты не знаешь, какой глупой и вздорной может быть Зоэ, несмотря на ее возраст и положение, – последовало уничтожающее замечание Пелагеи. – Моя сестра разговаривала кое с кем из тех, кто заботится о гардеробе Зоэ. Видно, Зоэ чувствует себя отвергнутой. Михаил держит ее в гинекее и даже не посещает ее спальню так часто, как случалось в бытность ее женой Романа. Пуще того, ходят слухи, будто у Михаила какая-то неизлечимая болезнь, а орфанотроп умышленно скрыл это от Зоэ, когда знакомил их.

Дворцовые интриги непостижимы для обыкновенного рассудка, подумал я. Никогда мне не распутать ухищрения тех, кто стремится к полной власти, или тех, кто ею уже обладает. Лучшее, что я могу сделать, это затаиться, насколько возможно, уповая на защиту Одина, ловкого обманщика. Я дал обет: когда в следующий раз мои крещеные товарищи-гвардейцы отправятся молиться в новую церковь свято-

го Олава, я отыщу тихое местечко и принесу жертву Всемудрому. Может быть, бог-странник укажет мне выход из моего непростого положения.

Но вышло так, что Один откликнулся даже прежде, чем я принес ему жертву. Но сначала нагнал на меня такого страха, что мне хватило его до конца моей службы у басилевса.

В начале июня Пелагея сообщила мне, что по городу разнеслась весть, будто войско русов собирается напасть на Константинополь. Большое число кораблей было замечено на большой реке, исходящей из киевского княжества. Они шли к устью.

– Тебе, Торгильс, эта дорога должна быть известна. По ней ты пришел в Константинополь, – заметила Пелагея.

Она стояла в тени портика позади своего широкого прилавка, болтая с знакомыми торговцами, а ее помощник тем временем продавал хлеб.

– Нет, я шел другим путем, по другой реке, она течет восточнее. Но все дороги одинаковы – все ведут в Константинополь.

– Да и все русы тоже одинаковы – дикие волосатые варвары, идолопоклонники. – Это колкое замечание принадлежало одному из знакомых Пелагеи, тоже лавочнику-хлеботорговцу, истинному городскому жителю, разбитному и развязному. Над его прилавком висело грубо намалеванное изображение Белого Христа, раздающего толпе хлебы и рыбины, из чего явствовало, что он рьяный христианин.

– Ну, это не совсем так, – мягко поправил я его. – Люди, которых ты смешал в одну кучу, назвав русами, на самом деле очень разные, а те, что происходят из Киева, сами христиане и признают вашего Великого патриарха. Другие же, к примеру, как я, родом из северных земель, и хотя мы поклоняемся своим богам, но приходим к вам торговать, а не воевать. В половине ваших церквей было бы темно, не будь тех, кого ты называешь варварами, не привози они пчелиный воск из северных лесов, дабы вы могли понаделать свечей для освещения ваших намалеванных святых, коим вы поклоняетесь.

Но лавочник не утихомирился.

– Наш город сумеет себя защитить, чем бы ни был вооружен этот сброд. Вспомни, какой урок они получили в последний раз. – Он заметил, что я его не понял. – Мой дед любит рассказывать, как мы переведались с этими невежественными дикарями, когда они осмелились напасть на Царьград. Явились на кораблях и вознамерились взять город и разграбить его. Но Богородица и наш басилевс спасли нас. Враг не смог проникнуть за городские стены – они оказались им не по зубам. Вот они и болтались вокруг по прибрежным поселениям, глупо и без толку бродили туда-сюда, грабили и насиловали. А наш басилевс ждал удобного случая. И дождался – русы утратили бдительность, а он послал наши корабли и честь по чести разбил их. Мы дотла пожгли их огнем. А они так и не поняли, что это было. Меньше сотни вернулось

восвояси. Вот это был разгром! Мой дед рассказывал, что обгорелые тела выбрасывало на берег, и везде пахло паленым мясом… – И тут он, должно быть, вспомнил, как умер муж Пелагеи, потому что запнулся в смущении, опустил очи долу и, найдя предлог, поспешил отвернуться и занялся выложенным на прилавке товаром.

Я хотел было спросить у Пелагеи, что имел в виду этот человек, говоря о каком-то огне, но тут меня окликнули по имени. Я обернулся и увидел Хафдана, он проталкивался ко мне через толпу. Рядом с ним шел дворцовый посыльный.

– Вот ты где, Торгильс. Так я и думал, что найду тебя у Пелагеи! – воскликнул Хафдан, впрочем, без обычных намеков, каковыми сопровождал всякое упоминание о ней. – Во дворце какая-то заварушка, и это касается тебя. Тебе следует немедля прибыть в ведомство орфанотропа. Дело срочное.

Я взглянул на Пелагею – меня охватил панический страх, – и по ее лицу увидел, что она тоже встревожена.

Я поспешил во дворец вслед за посыльным. Он привел меня в комнату орфанотропа, и я заметил, что евнух, брат императора, устроился рядом с парадными покоями басилевса. Стоявшие на часах мои сотоварищи, когда я проходил мимо них, посмотрели на меня с любопытством. Никогда еще такого не случалось, чтобы простого гвардейца вызывали сюда.

И вот я предстал перед Иоанном, и сердце у меня заныло. Он сидел за изысканно украшенным столом, читая какой-то свиток, а когда поднял голову и глянул на меня, я за-

метил, что выглядит он усталым и глаза у него ввалились глубже обычного. Надо полагать, бремя государственных забот оказалось тяжелее, чем он думал, а может быть, рыночные сплетники не лгут, говоря, будто орфанотроп никогда не спит, но, переодевшись монахом, по ночам ходит по улицам, подслушивая разговоры, расспрашивая обыкновенных горожан, дабы знать, о чем народ думает. Неудивительно, что люди боятся его. Да и мне стало тошно от дурных предчувствий, пока я там стоял и ждал, что же он мне скажет. И с первых же его слов я понял, что он прекрасно помнит, кто я такой.

– Я вызвал тебя потому, что ты неплохо говоришь и по-гречески, и по-варяжски, – сказал он. – У меня к тебе поручение.

Сердце отпустило, но только на миг. Не очередная ли это дворцовая каверза? Не хочет ли орфанотроп усыпить мою бдительность, прежде чем открыть свои истинные намерения?

– Мои соглядатаи сообщают, что приближаются крупные силы русов. Их около пяти сотен, и плывут они на моноциклонах, на каких обычно ходят купцы из Руси, и плывут они той же дорогой.

Пять сотен русов – маловато для набега, подумал я. Рыночные слухи сильно преувеличены. Необходимо по крайней мере раз в десять больше, чтобы грозить хорошо обученным защитникам Константинополя.

Словно прочтя мои мысли, орфанотроп добавил:

– Безопасность города меня не беспокоит. Меня интересует, кто эти люди, ибо соглядатаи доносят, что они – не купцы. Они не везут товаров, они хорошо вооружены, и есть донесение, что их вожак – какой-то князь или знатный человек. Его зовут Аральтес или что-то вроде этого. Ты знаешь кого-нибудь с таким именем?

– Нет, ваше превосходительство, – ответил я. – Человек с таким именем мне не знаком.

– Скоро познакомишься, – сухо отозвался орфанотроп. – Чужеземцев я приказал перехватить при входе в пролив. Их отведут в район святого Мамаса на той стороне Золотого Рога и задержат там, подальше от города, пока не выяснятся их намерения. Вот туда-то ты и отправишься. Я желаю знать, кто они и зачем явились. Если это русы, ты поймешь их язык, когда они будут говорить между собой, а ты кажешься человеком достаточно сообразительным, чтобы составить собственное мнение и задать правильные вопросы. После чего вернешься и лично доложишь о своих наблюдениях.

– Хорошо, ваше превосходительство, – ответил я, начиная думать, что понапрасну подозревал Иоанна. – Когда вы ожидаете прибытия чужеземцев?

– Через три дня, – ответил он. – Теперь ступай к моему старшему хартулярию. Он выдаст тебе предписание. Ты будешь числиться сопровождающим представителей дромоса. – Он замолчал, а потом произнес нечто такое, что – как

он и намеревался – напомнило мне о словах, произнесенных мною, когда я передал ему послание, из-за коего я покинул свое место возле басилевса. – Тебе ведь известно, что логофет дромоса отвечает за иностранные сношения, тайную службу и посольства, равно как и за имперскую посыльную службу – любопытная смесь, не правда ли? – в то время как деканы – это дворцовые посыльные. Посему пусть люди из дромоса занимаются этими пятью сотнями варваров, но ты будешь моими глазами и ушами. Я желаю, чтобы ты подслушивал разговоры этих чужеземцев для моего сведения.

Разговор подошел к концу. Я заглянул в глубоко сидящие глаза орфанотропа. И с ошеломительной ясностью понял, почему он уверен, что я буду работать его соглядатаем, даже против соотчичей. Все было именно так, как сказала Пелагея: не имеет значения, замышлял ли орфанотроп возвести своего брата Михаила на трон. Басилевс Роман умер во время моей смены, когда я отвечал за его безопасность. Иоанн был свидетелем, как я нарушил устав, и мог призвать меня к ответу в любое время, когда ему заблагорассудится. Я был в его власти. Но при этом он был слишком умен, чтобы высказать это напрямик. Он предпочел положиться на мой страх и сделать меня своим человеком.

Таким вот образом спустя три дня после разговора со зловещим братом басилевса я оказался на борту маленькой лодки, идущей на веслах через покрытые рябью воды Золотого Рога по направлению к Мамасу, месту высадки русов. В лод-

ке, кроме меня, еще два чиновника из секретариата дромоса, весьма угрюмого вида. Судя по всему, они считали это ужасное поручение сущим наказанием – их вырвали из тихих убежищ их присутствий и послали беседовать с шайкой неотесанных варваров-северян. Один из них морщил нос от отвращения, подбирая свое одеяние, чтобы подол не намок в воде, плещущейся на днище лодки. Поскольку оба были при исполнении, то надели парадные облачения, обозначавшие их чин. Плащ у этого имел зеленую кайму, и я понял, что он – государственный служащий высокого ранга, и подумал – не говорит ли и он по-норвежски. Палата дромоса содержала обученных толмачей, и было бы вполне в духе орфанотропа послать не одного, а двух соглядатаев, чтобы сопоставить их наблюдения.

Когда наша лодочка подошла к месту высадки, вид дюжины кораблей, стоящих на якоре, вдруг пробудил во мне тоску по северным краям. Моноциклоны, как назвал их орфанотроп, были уменьшенной копией изящных морских судов, какие я знал всю жизнь. Корабли, стоявшие в Мамасе, были не так искусно построены, как настоящие морские суда, но вполне годились для коротких морских путешествий и очень отличались от бокастых кораблей, излюбленных греками. Тоска моя усилилась, когда я, сойдя на берег, прошел по открытому месту, где чужеземцам позволили раскинуть палатки. Там лежали кипы парусов из льняного полотна, бочонки, брусья, бухты канатов, якоря и прочее кора-

бельное снаряжение, все такое знакомое. Канаты пахли дегтем, а кожаные крепления кормила – жиром. Даже уложенные кострами весла были того же вида, какими я пользовался в юности.

Лагерь с ровными рядами палаток выглядел как-то по-военному, и стало ясно, что смутило имперских соглядатаев. Эти многочисленные странники явилось в Константинополь явно не для того, чтобы продавать и покупать. Все, кто слонялись вокруг лагеря, или склонялись над котелками с похлебкой, или просто валялись на солнышке, имели наружность воинов. Это были крупные, уверенные в себе люди, и то, что они норвежцы, тоже было ясно. Светловолосы, как норвежцы, с длинными волосами и роскошными бородами, и штаны на них те же, тяжелые, повязанные понизу крест-накрест, хотя рубахи – самых разных расцветок и тканей, начиная со льна и кончая кожей. На одном или двух я заметил даже куртки из овечьих шкур, совершенно непригодные для жаркого константинопольского солнца.

Эти дюжие иноземцы не обратили на меня внимания, когда я направился к одной из палаток, побольше остальных, стоящей на отшибе. Я сразу же узнал в ней палатку военачальника, и мне не нужно было говорить, что здесь мы найдем предводителей этой неизвестной дружины.

Жестом показав моим спутникам, что им следует подождать снаружи, я откинул кусок ткани, заменяющий дверь. Вошел, выждал, пока глаза мои не привыкли к полумраку.

Вокруг стола на козлах сидели четверо или пятеро. Заметив, что я чужак и одет в незнакомую форму – а на мне была алая рубаха гвардейца, – они равнодушно ждали, пока я объясню, что мне нужно. Но один из них, самый дюжий, с клочковатыми седыми волосами и густой бородой, смотрел на меня иначе. Он вперился в меня взглядом.

Настало неловкое молчание, пока я думал, как мне назвать себя и какой тон взять. Но молчание было нарушено.

– Торгильс, сын Лейва! Клянусь Богами, это Торгильс! – закричал седовласый.

У него был безошибочный исландский говор, и я даже разобрал, из какой местности Исландии он приехал: это был человек с западных фьордов. И еще его голос подсказывал мне, кто он, и я через мгновение понял. Это был Халльдор, сын Снорри, пятый сын Снорри Годи, в чьей семье я жил в Исландии в детстве. Сестра Халльдора Халлбера была первой девушкой, в которую я влюбился, а отец Халльдора сыграл решительную роль в моей жизни, когда я был подростком.

– Что это за чудная на тебе одежа? – спросил Халльдор и, подойдя ко мне, хлопнул меня по плечу. – Последняя весть о тебе, дошедшая до нас, это что ты уехал в Пермию покупать меха у финнов. Не говори мне, что Торгильс, бывший приятель этого изгоя Греттира Силача, стал теперь дружинником императорского дворцового войска.

– Да, этой осенью будет три года, как я здесь и служу в

гвардии, – сказал я и понизил голос, чтобы люди из дромоса не слышали меня сквозь ткань палатки. – Меня послали разузнать, что ты и твои товарищи собираетесь делать и зачем пришли в Константинополь.

– Ну, это не тайна. Можешь возвращаться к своему начальнику и сказать ему, что мы пришли предложить свои услуги императору Миклагарда в качестве воинов, – весело ответил Халльдор. – Мы слышали, что он очень хорошо платит и что здесь неплохо можно разжиться добычей. Мы хотим вернуться домой богатыми людьми! – И он рассмеялся.

Поневоле я улыбнулся этому воодушевлению.

– Что? Вы все желаете вступить в дворцовую дружину? Мне сказали, что вас пять сотен. Новобранец может вступить в нее только на освободившееся место, и список ожидающих весьма пространен.

– Нет, – сказал Халльдор. – Мы не желаем вступать в дворцовую дружину. Мы желаем держаться вместе, отдельной дружиной.

Эта мысль была настолько неожиданной, что на мгновение я замолчал. Норвежцы нечасто объединяются в обученные военные отряды, особенно когда выходят в свободный поиск в надеже на добычу и грабеж. Они слишком независимы по натуре. Здесь должно быть еще что-то.

Халльдор заметил мое замешательство.

– Каждый из нас уже поклялся в верности одному человеку, единственному предводителю. Коль скоро его басилевс

примет его на службу, мы последуем за ним.

– Что это за человек? – спросил я.

– Это я, – прозвучал низкий голос, и обернувшись, я увидел высокого, с военной выправкой человека, входящего, пригнувшись, в дверь в дальнем конце палатки. Он выпрямился в полный рост, и в этот миг я понял, что Один откликнулся на самые глубокие мои упования.

Харальд – сын Сигурда, как вскоре я узнал – и это было задолго до того, как его прозвали Хардрадом, «Суровым» – был ростом немногим меньше шести с половиной футов и в полумраке палатки походил на героя, вышедшего из туманного мира древних преданий. Широкоплечий и мускулистый, он двигался с изяществом атлета, возвышаясь над другими людьми. Когда он подошел ближе, мне показалось, что я смотрю в лицо одного из тех людей, о которых рассказывалось в сказках у очага, когда я был маленький. У него был свирепый вид морского орла – выступающий нос походил на клюв, а близко поставленные ярко-синие глаза смотрели зорко и пристально, почти не мигая. Густые желтые волосы, свисающие до плеч, тоже напоминали кольцо длинных перьев вкруг шеи морского орла, и у него была привычка быстро вертеть головой – точно хищная птица высматривает добычу, – так что волосы шевелились на плечах, словно кольцо орлиных перьев. Усы у него были еще более впечатляющие, на старый манер – две густые пряди свисали по сторонам рта, как веревки из светлого шелка, и доходили до груди.

– А ты кто такой? – спросил он.

Его внешность так поразила меня, что я замешкался с ответом, и пришлось Халльдору ответить за меня.

– Это Торгильс, сын Лейва Счастливчика, – сказал исландец. – Подростком он жил на хуторе моего отца в Исландии.

– Он был вашим воспитанником?

– Нет, мой отец принял в нем участие, потому что он, как сказал бы ты, обладал даром. Он был – а может, и остался – ясновидцем.

Великан-норвежец повернулся ко мне и внимательно вгляделся в мое лицо, изучая. Я понял, что он размышляет, на что могу сгодиться.

– Это одежда императорской дружины?

– Да, господин, – ответил я.

То, что я назвал его господином, казалось совершенно естественным. Коли я когда и встречал прирожденного вельможу, так это был именно он – этот высокий, надменный незнакомец. Похоже, он лет на пятнадцать моложе меня, но у меня не возникло никаких сомнений, кто из нас двоих достоин почтения.

– Полагаю, тебя послали к нам на разведку, – откровенно продолжил он. – Так скажи своему господину, что мы именно то, чем кажемся – отряд воинов, а их предводитель – Харальд, сын Сигурда, из Норвегии, сводный брат святого Олава. Скажи ему, что я пришел, желая предоставить себя и своих людей в его распоряжение. Скажи ему еще, что воинского

опыта нам не занимать. Большинство из нас служили в дружине киевского князя Ярослава.

Теперь я знал точно, кто он: отпрыск одного из могущественнейших родов Норвегии. Его сводный брат Олав правил Норвегией дюжину лет, прежде чем его сбросили завистливые главы кланов.

– Господин, я всего лишь сопровождающий, – кротко ответил я. – Тебе нужно говорить с двумя чиновниками, они ждут снаружи. Они из приказа, ведающего иноземцами. Они будут вести переговоры.

– Тогда не станем терять времени, – бодро сказал Харальд. – Представь меня.

И круто повернувшись, вышел из палатки. Я поспешил за ним как раз вовремя, чтобы увидеть выражение лиц двоих бюрократов, когда этот величественный великан навис над ними. Вид у них был встревоженный.

– Это предводитель… эээ… варваров, – сказал я по-гречески. – Он очень высокого рождения. В своей стране он принадлежит к самым знатным людям. Он провел некоторое время при киевском дворе, а теперь хочет со своими людьми поступить на службу к великому басилевсу.

Оба чиновника пришли в себя. Они достали пергамент и тростниковые писала из маленьких слоновой кости рабочих ящичков, принесенных с собой, и приготовились записывать.

– Прошу тебя, повтори имя этого знатнейшего человека, –

сказал тот, кого я считал старшим.

– Харальд, сын Сигурда, – сказал я.

– Его чин и племя?

– Никакого племени, – ответил я. – Из его семьи вышли короли далекой северной страны под названием Норвегия.

Чиновник что-то пробормотал своему коллеге. Я не слышал, что он сказал, но тот кивнул.

– Его отец является сейчас королем его народа?

Вопрос несколько смутил меня. Я понятия не имел о нынешнем положении Харальда и не готов был спросить у него напрямик, поэтому перевел вопрос Халльдору, уже подошедшему к нам. Но ответил сам Харальд.

– Скажи ему, что моей страной правил мой сводный брат, пока не погиб в сражении с врагами, и что я – законный наследник.

Харальд, подумал я, имеет очень четкое представление о том, чего он стоит. Я перевел его слова, и чиновник старательно записал. Теперь, когда можно было свести все к писаному слову, он явно чувствовал себя увереннее.

– Мне понадобится точный список людей, его сопровождающих – их имена, возраст, чин и место рождения. А также полное перечисление всех грузов, ими привезенных, а также опись их оружия; а также кто и каким морским ремеслом владеет; и кто и какие болезни перенес во время плавания из Киева…

Я почувствовал, что стоящий рядом со мной Харальд те-

ряет терпение.

– Составляют перечни, да? – вмешался он.

– Да, мой господин. Они должны предоставить в свой приказ полное описание твоей дружины и ее вооружения.

– Превосходно, – сказал он. – Скажи им, пусть сделают для меня список с перечня. Он может пригодиться моему старшему кормчему.

С этими словами он повернулся и ушел.

К счастью, один из русов-проводников, ведший Харальда и его людей вниз от Киева, неплохо говорил по-гречески и вызвался помочь мне с переводом, пока крючки из дромоса терпеливо делали свое дело. Я воспользовался возможностью отвести Халльдора в сторону и расспросить его о Харальде.

– Правда ли, что он законный наследник норвежского трона? – спросил я. – И если он законный наследник, то как оказался в Киеве при дворе князя Ярослава?

– Ему пришлось бежать из Норвегии, когда его сводный брат потерпел поражение и погиб в битве, пытаясь вернуть себе трон. Он нашел убежище у князя Ярослава, как и многие норвежцы, стоявшие в междоусобице на стороне проигравших. Провел в Киеве три года, был военачальником и так возвысился, что посватался к княжеской дочери Елизавете.

Кажется, самоуверенность Харальда, сына Сигурда, не ведает пределов.

– И каков же был ответ князя?

– Ему незачем было отвечать. Княжна Елизавета сама сказала Харальду, что станет он богатым и прославленным – пусть возвращается, а поскольку Харальд не из тех, у кого трава успевает вырасти под ногами, он и скажи, что сделает состояние на службе у басилевса. Всякий желающий, был бы хороший воин, мог присоединиться к нему и присягнуть ему на верность. Так он ушел из Киева со своей дружиной.

– Ну, а как же ты? Неужели похвальбы Харальда хватило, чтобы ты пошел за ним?

– Все так, как я сказал, Торгильс. Я хочу разбогатеть. А кто еще, коль не Харальд, сын Сигурда, способен взять добычу? Он честолюбив, он полон сил и, кроме всего прочего, ему везет в сражениях.

Был еще один вопрос, который я должен был задать, и я очень боялся ответа.

– Харальд – последователь Белого Христа, – спросил я, – или он держится исконной веры?

– Это дело странное, – ответил Халльдор. – Можно подумать, что Харальд – такой же христианин, как его брат конунг Олав, а его уже многие называют святым Олавом. Но я что-то не замечал, чтобы Харальд стремился побывать в церкви или произнести молитву Христу. Он служит одному богу – самому себе. Он прекрасно знает, чего хочет – завоевать норвежский трон, и будет исповедовать любую веру и верить в любого бога, коль это поможет ему добиться желаемого.

Именно эти слова убедили меня связать мою судьбу с Харальдом, сыном Сигурда. Со временем я присоединился к нему, но не ради богатства, а потому, что он казался мне единственным человеком, способным возродить исконную веру. Я думал: коль я помогу Харальду получить трон и покажу ему, что Один и исконные боги благоволят к нему, тогда он вернет свое королевство к исконной вере. Этот замысел оттачивался и приобретал очертания у меня в голове в последующие недели и месяцы, но возник он в тот самый день, когда Халльдор, сын Снорри, поведал мне о честолюбивых намерениях Харальда.

– Да будет тебе известно, Харальд не просто смелый воин, – продолжал Халльдор, не зная, что каждое его слово придает мне уверенности в том, что сам Один уготовил Харальду роль своего поборника. – Харальд покровительствует скальдам. Он может судить о поэзии, ибо сведущ в древних знаниях, как мало кто из живущих, и он щедро одаривает любого искусного скальда, воспевающего мир богов. Он ведь не просто знаток. Он и сам складывает прекрасные строфы. Большинство из нас, его дружинников, знает стих, сказанный им, когда он бежал из битвы, в которой убили его сводного брата. – Здесь Халльдор остановился. Потом набрал воздуху и произнес:

Вот влачусь из чащи
В чащу – мало чести:

Но – кто знает – славным
Прослыву я в мире.

– Неплохо для пятнадцатилетки, раненного, бившегося на стороне проигравших в бою, где на кону стоял трон, – заметил он.

И вновь я почувствовал, что Один указывает мне путь. Мне тоже было пятнадцать, когда я сражался и был ранен в великой битве, в которой решалась судьба королевства, трон Ирландии. Норны, сплетающие судьбу человека, воткали схожие узоры в жизнь Харальда, сына Сигурда, и в мою. И теперь Один привел нас туда, где наши дороги пересеклись.

Шаги, раздавшиеся у меня за спиной, заставили меня обернуться. Вот он – этот человек собственной персоной. При солнечном свете, озарявшем этот лик морского орла, я увидел нечто, чего не заметил раньше: черты лица его были правильны и складны, оно было красиво, и только одно было странно – кривые брови: левая была гораздо выше правой. И я подумал, что кривизна эта – знак Одина, Одина одноглазого.

– Итак. Что ты думаешь об этом Аральтесе? – спросил орфанотроп Иоанн, когда я на другой день явился к нему с докладом.

Я заметил лежащий перед ним на столе кусок пергамента и предположил, что это письменный доклад из дромоса. Было хорошо известно, что имперские ведомства ни при ком не работали столь четко и быстро, как при Иоанне.

– В нем нет притворства, ваше превосходительство. В Норвегии его зовут Харальд, сын Сигурда, – отвечал я, стоя по стойке смирно и глядя на золотое полукружие. То был нимб святого на иконе, висящей на стене позади орфанотропа. Я все еще боялся этого человека и не хотел, чтобы он смотрел мне в глаза и читал мои мысли.

– А насчет россказней, будто он знатный человек?

– Это так, ваше превосходительство. Он состоит в родстве с королевской семьей Норвегии. Он и его люди пришли предложить услуги его величеству басилевсу.

– А что ты скажешь о состоянии его боевого духа и вооружения?

– Высочайший боевой дух, ваше превосходительство. Оружие наилучшее и в хорошем состоянии.

– А корабли?

– Требуют некоторого ремонта, но годны для плавания.

– Хорошо. Вижу, ты не тратил времени даром. Мои дотошные коллеги из ведомства дромоса позаботились напомнить мне о правиле, по которому никакой иноземный принц не может служить в имперской дворцовой гвардии. Это слишком рискованно. Вдруг у него появятся мысли, превышающие его положение. Но, думаю, что использовать

этих варваров можно. Я пошлю записку аколуфу, начальнику гвардии, с извещением, что ты отозван для особых поручений. Ты будешь связным между моим ведомством и Аральтесом с его войском. Получишь добавочное вознаграждение сверх обычного жалования и, когда не будешь занят моими поручениями, продолжишь отправлять обычные обязанности гвардейца. Это все.

Я вышел и был тут же перехвачен секретарем. Он вручил мне свиток, я развернул его – это были письменные распоряжения для меня. Казалось, орфанотроп еще прежде, чем я явился к нему с докладом, уже все решил. Я прочел, что должен приготовить «гостя Аральтеса» к аудиенции с его императорским величеством басилевсом в день, каковой будет указан впоследствии. До того времени я должен помочь Аральтесу ознакомиться с устройством и боевым строением имперского флота. Я перечитал это распоряжение, ибо оно стало для меня неожиданностью. Имперский флот был скорее младшей ветвью имперских вооруженных сил, хотя считался сильнейшим флотом в Великом море. Я думал, что Харальд и его люди войдут в дружину «загородных варягов», полк иноземцев, в каковой входили армяне, грузины, валахи и прочие. Но нет – Харальду и его людям назначено было стать моряками.

Во время следующего посещения лагеря у Мамаса я рассказал об этих распоряжениях Халльдору, а тот в ответ только фыркнул.

– Разумно, – сказал он. – Мы привыкли биться на море. Но о какой такой подготовке к приему у басилевса идет речь?

– Вам придется хорошенько усвоить все мелочи, – ответил я. – Ничто так не гневит императорских советников, как ошибки в придворных обычаях. Это укрепляет их в мысли, что всякий, не знающий придворных обрядов, – невежественный и совершенно неотесанный дикарь, с которым не стоит иметь дела. Бывало, что прошения иноземцев отклонялись из-за какого-нибудь пустячного нарушения дворцового порядка. Например, посланник, прибывший ко двору и употребивший неправильный титул в обращении к басилевсу, получит отказ в дальнейших аудиенциях у императора, его посольские грамоты будут отозваны, ну, и так далее.

– И как же должен Харальд называть басилевса?

– Императором ромеев.

Это вызвало у Халльдора недоумение.

– Как же так? Это ведь Константинополь, а не Рим, да и есть же правитель Германии, именующий себя императором Священной Римской империи.

– Об этом-то я и толкую. Басилевс и весь его двор убеждены, что они – настоящие наследники Римской империи, представители ее истинного образа и продолжатели ее славы. Они готовы согласиться, что германец – римский король, но никак не император. Точно так же их священнослужители заявляют, что наиглавнейший священник Белого Христа – это их Великий патриарх, а никак не особа, сидящая в Ри-

ме и называющая себя папой. Кроме всего прочего, это объясняет, откуда взялась такая смесь латинского и греческого в воинских званиях – они говорят о декурионах и центурионах, словно это солдаты римской армии, но более высокие чины почти все носят греческие названия.

Халльдор вздохнул.

– Ну ладно, я надеюсь, ты сумеешь уговорить Харальда употреблять правильные слова и делать все, как положено. Не уверен, что он станет пресмыкаться перед басилевсом. Он не из таковских.

Тревога Халльдора оказалась напрасной. Выяснилось, что Харальд, сын Сигурда, вполне согласен обуздать свою гордыню ради собственной выгоды, а поскольку мне страшно хотелось, чтобы норвежский принц преуспел в своих начинаниях, я старался изо всех сил, обучая его предписанному поведению на приеме в Большом Дворце. Подданные императора, сообщил я ему в первую очередь, почитают столь великой честью быть допущенными до лицезрения басилевса, что готовы ждать годами обещанной аудиенции. Для них это равно встрече с наместником их Бога на земле, и все во дворце устроено так, чтобы усилить это впечатление.

– Представь себе, господин, богослужение в самой роскошной церкви Белого Христа, – говорил я. – Все очень церемонно и торжественно. Придворные одеты в особые шелковые платья, каждый точно знает свои обязанности и место, где он должен стоять, какие именно движения производить

и какие слова произносить. Все внимание направлено на императора. Он восседает на золотом троне, одет в усыпанное драгоценными камнями облачение, каковое здесь называют хламидой. На плечах его – длинная стола, каковую носить имеет право лишь император, а на ногах – пурпурного цвета сапожки, тоже в соответствии с титулом. Он неподвижен, взгляд его устремлен через весь зал на двери, в которые ты войдешь. Тебя введут в зал, а потом ты должен будешь пройти по залу и сотворить проскению.

– А что такое проскения? – спросил Харальд, подавшись вперед.

Я понял, что увлекся описанием великолепия церемонии, и запнулся, не зная, как отнесется Харальд к моим объяснениям.

– Проскения – это выражение благоговения, – начал я.

– Дальше.

Я судорожно сглотнул.

– Одним словом, нужно лечь, распростершись, на пол, лицом вниз, и оставаться так, пока придворный не скажет, что можно встать.

Последовало долгое молчание, пока Харальд обдумывал это. Я боялся, что он откажется так унизить себя, но он спросил:

– Как далеко буду я находиться от трона, когда стану проделывать это представление с лежанием?

Я перевел дыхание.

– Когда ты будешь подходить по залу к басилевсу, смотри вниз и увидишь на мраморном полу пурпурный круг. Он обозначает место, где ты должен лечь.

– Откуда ты все это знаешь? – быстро спросил Харальд.

– Потому что часть гвардии стоит позади императора во время этой церемонии, и я много раз видел, как это делается. Гвардейцам известны и маленькие хитрости для усиления впечатления. На самом-то деле порою бывает трудно не рассмеяться.

– Например?

– Коль придворный камерарий полагает, что проситель достаточно впечатлителен, трон басилевса поднимают во время проскении. Пока проситель валяется на полу ниц, слуги крутят подъемную машину, скрытую позади трона, так что когда проситель поднимает голову, то вдруг видит, что император сидит выше, чем прежде. Зрелище его удивления порою очень забавно. Но, – поспешно добавил я, – не думаю, что они прибегнут к такой уловке в тот день, когда ты получишь аудиенцию у императора.

Вот, вспомнил я этот давнишний разговор с Харальдом, и пришло мне в голову, что, пожалуй, я ошибался, полагая, будто готовлю его только к встрече с басилевсом. Боюсь, что Харальд на самом деле получил совсем другой урок: он понял, как важно показать свою власть над другими, как ослепить их. Коль так, то излишним своим рвением, стремясь помочь Харальду, я посеял семена своего же будущего разо-

чарования.

Орфанотроп также повелел мне познакомить норвежского принца с императорским флотом, и я повел Харальда в морской арсенал на Золотом Роге. Там эпарх верфи, страшась за свои секреты, принял нас холодно и потребовал, чтобы в обходе нас сопровождали чиновник из дромоса и его собственный подчиненный. Я показывал Харальду одно за другим – спуски, на которых строят и чинят военные корабли, и склады с морскими припасами, навесы с мачтами и парусные сараи; рассказывал, что большую часть моряков набирают из прибрежных жителей по ту сторону пролива, в Малой Азии. Харальд, прекрасно знавший корабельное строение, задавал столь мудреные вопросы мастерам-плотникам, что порою я не мог найти нужных слов, чтобы перевести на греческий. Потом он потребовал, чтобы ему показали военный корабль в исправности. Представитель эпарха заупрямился, но Харальд стоял на своем. Коль скоро его людям предстоит служить на императорских кораблях, они хотя бы должны знать, что их ждет. Он указал на самый большой дромон – трехмачтовый быстроходный военный корабль, в ожидании приказа стоявший на якоре в Золотом Роге. Ему хотелось бы осмотреть это судно, сказал он. Как я не раз замечал впоследствии, просьба Харальда, сына Сигурда, всегда звучала скорее как приказ.

Мы отправились на морской лодке. Дромон вблизи оказался еще больше, чем представлялось. Я никогда не бывал

на борту столь большого судна, оно было огромно, по меньшей мере в полтора раза длиннее самого длинного из длинных кораблей, какие мне доводилось видеть в прошлом, и раза в два-три шире. Но что воистину особенно поражало, так это его высота над водой. Наши норвежские военные суда низкие и сглаженные, а императорские военные корабли строятся вверх от воды – для устрашения противника и для того, чтобы лучники с палубы могли стрелять вниз. Дромон навис над нами, когда мы подошли к нему, и высоту его увеличивала поставленная в середине судна постройка, похожая на крепость. Мы поднялись по борту на палубу и сразу же столкнулись с кентархом, начальником. Он сердито осведомился, кто этот иноземного вида человек с длинными усами, что поднялся на борт его судна так, словно он его владелец. Когда человек из дромоса объяснил, что у Харальда, сына Сигурда, есть письмо от секретаря орфанотропа, кентарх недовольно глянул на него, а потом ходил с нами повсюду на палубе, с подозрением косясь в нашу сторону.

Харальд ничего не упустил. Увлеченный этим незнакомым ему устройством военного судна, он спрашивал, как дромон ведет себя в море, как ставятся паруса и как берут рифы, легок ли он в управлении, с какой скоростью идет, когда все две сотни гребцов сидят на скамьях, и как долго они могут сохранять среднюю скорость. Кентарх отвечал неохотно. Для него бородатый норвежец был естественным врагом. Снова и снова приходилось мне напоминать нашему прово-

жатому, что Харальд, сын Сигурда, по приказу орфанотропа должен ознакомиться с имперским военным флотом, и что в один прекрасный день люди Харальда могут оказаться на борту этого корабля. У кентарха был такой вид, будто он предпочел бы затопить свое судно.

Наконец, мы подошли к баковой надстройке на носу дромона.

– А это что такое? – спросил Харальд.

Бронзовая труба торчала из металлической пластины, выступая вперед, как единственная ноздря. Сразу позади трубы стояли два металлических корыта, от коих тянулись медные трубки к устройству, похожему на насос.

– Это судовой сифон, – сказал человек из дромоса. Кентарх гневно глянул на него и уже без всяких церемоний встал перед Харальдом, нарочно загородив ему обзор.

– Даже прямое повеление императора не понудит меня сказать тебе большее, – рявкнул он. – А теперь вон с моего корабля!

К моему удивлению, Харальд подчинился.

Гораздо позже, когда мы благополучно вернулись в арсенал и нас не мог услышать никто из чиновников, Харальд пробормотал:

– Вот как они пускают огонь. Но как они его делают?

– Не знаю, – сказал я. – Я даже не знаю толком, что это такое.

– Будучи в Киеве, я слышал рассказы о том, как был уни-

чтожен флот во времена их дедов, – сказал Харальд. – Люди дивились, как огонь зажигается в воздухе, обращая в пепел все, к чему прикоснется. Он горит даже под водой. Это поразительно.

В тот же вечер я расспросил Пелагею об огне, но мой обычно надежный источник сведений мало чем помог. Она сказала, что о том, как сотворить огонь, известно лишь горстке мастеров, а из чего он состоит – это самая охраняемая из государственных тайн. По слухам же, огонь делают из негашеной извести, смешанной с маслом, истекающим из земли. Я рассказал ей о странной бронзовой трубе на борту дромона, и она засмеялась: мол, иные из иноземных моряков полагают, будто императорский флот разводит огнедышащих драконов, и держат их под палубами, отправляясь в поход, а перед самой битвой выпускают наверх.

Вскоре после праздника Преображения – это один из главных праздников в Константинополе, – и через два месяца после прибытия Харальд наконец-то получил аудиенцию у Михаила. Она имела место в другом великолепном зале в Большом Дворце, Магнауре, часто используемом для приема иноземных послов, и мне повезло – я оказался в составе императорского караула. Заняв свое место позади трона и возложив на плечо секиру, я волновался, подобно учителю, коему скоро предстоит увидеть, как покажет себя его лучший ученик. Изнутри зал походил на огромную церковь, с колоннами и галереями и высокими окнами, застекленны-

ми цветными стеклами. Дальний конец открывался на широкий двор, усаженный деревьями, и там собрались просители. Среди них я видел Харальда, он на целую голову возвышался над остальными. Впереди стояла толпа придворных сановников, ожидающих знака от распорядителя. Даже меня, бывшего очевидцем множества таких церемоний, все еще удивляло их великолепие. Придворные и сановники одеты соответственно рангу и ведомству, каковое они представляют: сенаторы и патрикии в синем и зеленом, военачальники Этерии в белых туниках с золотыми поясами, судьи и высокопоставленные чиновники в блестящих узорных шелках и с должными регалиями в руках, знаками своего отличия – золотыми посохами, жезлами из слоновой кости, придворными мечами в ножнах, выложенных эмалевыми пластинами, а еще – украшенными драгоценными камнями кнутами, табличками и свитками с цветными рисунками. Многие одеяния так расшиты золотом и серебром, а также драгоценными каменьями и жемчугом, что их обладатели едва могут двигаться. Но и это тоже – часть обряда. Все собравшиеся должны стоять неподвижно или почти неподвижно. Любое движение должно быть замедленным и величавым.

Трубы возвестили о начале церемонии, и собрание, стоя лицом к Михаилу, сидевшему на своем троне (Зоэ не была приглашена), запело хвалебную песнь в честь басилевса. После нескольких минут восхвалений и приветственных возгласов я увидел издали, как дворцовый евнух, чьей обязан-

ностью было представлять сановников императору, подошел к Харальду и жестом показал, что тот должен выйти вперед. Толпа расступилась, оставив проход, ведущий к трону. На мраморном полу, на пустом месте перед троном мне хорошо был виден пурпурный круг, где Харальду предстояло пасть ниц и сотворить проскению. И тут я вдруг вспомнил, что не предупредил Харальда о зверях. Я сказал ему о поднимающемся троне, но забыл, что в Магнауре по обе стороны пурпурного круга стоят, совсем как живые, два бронзовых льва. Изнутри они полые и сочленены, а с помощью искусно расположенных скрытых воздушных насосов этих бронзовых животных можно заставить махать хвостами, открывать пасти и издавать рык. Обслуга же этих механизмов спрятана и по приказу приводит их в движение, и звери рыкают в тот самый миг, когда проситель собирается простереться перед троном.

Я смотрел, как Харальд с непокрытой головой, в бархатной тунике темно-зеленого цвета и в свободных шелковых штанах, идет по просторному залу между рядами наблюдающих придворных. Единственная драгоценность на нем – простые золотые браслеты на каждой руке. В столь блестящей и пышной толпе он должен бы оставаться незаметным, но его фигура возвышается над окружающими. Дело не только в росте и явной телесной силе, поразившей присутствующих. Дело в том, что Харальд из Норвегии шел по залу так, будто этот зал для церемоний принадлежит ему, а не баси-

левсу.

Он приблизился к пурпурному кругу и остановился на открытом месте перед троном, на виду у толпы. Настало молчание, растянутый миг тишины, пока он стоял перед императором. И как раз в этот момент механические звери забили хвостами и зарычали. Коль скоро собравшиеся ожидали, что Харальд дрогнет или выкажет страх, то ничего подобного не случилось. Он повернул голову, посмотрел на открытую пасть сначала одного зверя, потом другого. Он казался задумчивым, даже любопытствующим. Потом небрежно опустился на мраморный пол и сотворил проскению.

Гораздо позже он рассказал мне, что заглядывая в разверстые пасти бронзовых львов и услышав шипение воздуха в воздушных насосах, заставлявших их двигаться и рычать, он понял, как устроен огонь.

Глава 3

Почти четыре месяца я не видел Харальда. После проскенении перед басилевсом он со своей дружиной покинул Константинополь. Орфанотроп поставил перед ним задачу справиться с нарастающей угрозой со стороны арабских пиратов, постоянно нападающих на корабли, идущие от Диррахия на западном берегу Греции. Порт Диррахий был важнейшим перекрестком на дорогах империи. Через его гавань проходили имперские курьеры, войска и торговцы на пути в Константинополь и обратно, в колонии южной Италии. В последнее время пираты настолько осмелели, что устроили стоянки на соседних греческих островах, откуда их быстрые галеры нападали на проходящие суда. Поначалу орфанотроп собирался послать в эти края дополнительные части имперского флота с людьми Харальда на борту. Но по словам моих сотоварищей-гвардейцев, флотоводец-друнгарий воспротивился. Он ни в коем случае не желал брать так много варваров на свои суда, а Харальд окончательно все испортил, заявив, что не будет выполнять приказы греческого начальника. Это безвыходное положение уладилось, когда Харальд предложил использовать его собственные корабли, легкие моноциклоны, послав их в Диррахий. Оттуда он мог сопровождать торговые суда и караулить неприятеля.

Харальд уехал, а я вернулся к моим обычным обязанно-

стям в гвардии и выяснил, что слухи о нездоровье Михаила правдивы. Молодой император страдал хворью, каковую дворцовые врачи благоразумно называли «священной болезнью».

В первый раз я заметил ее признаки, когда Михаил одевался к пиршеству, коим отмечается рождение Белого Христа. Я с еще пятью телохранителями сопровождал Михаила в императорскую палату для одевания. Там веститоры, сановники, торжественно облачающие императора, церемонно открыли сундук, содержащий одежду басилевса. Чином младший из них вынул плащ-хламиду и торжественно передал следующему по старшинству чина. Из рук в руки одеяние передавалось, пока в конце концов не дошло до старшего веститора, а тот почтительно приблизился к ожидающему басилевсу, произнес нараспев молитву и накинул плащ на плечи императора. Дальше последовали расшитая жемчугом стола, перчатки в драгоценных каменьях и нагрудный кулон. Все это время басилевс стоял неподвижно, пока ему не протянули корону. В этот миг что-то пошло не так. Вместо того чтобы наклониться и поцеловать крест на короне, как требовал ритуал, Михаил задрожал. Это был всего лишь легкий трепет, но, стоя позади него, мы, его телохранители, видели, как его правая рука непроизвольно затряслась. Веститор ждал, держа корону на вытянутых руках, но Михаил, как расслабленный, не мог двинуться, только руки у него дрожали. Стояла полная тишина, перерыв затянулся, все в комнате

застыли неподвижно, как вкопанные, и единственным движением было мелкое дрожание правой руки Михаила. Потом – а прошло столько времени, сколько требуется для семи или восьми глубоких вдохов, – рука постепенно затихла, и к Михаилу вернулось полное обладание собственным телом. В тот день, как ни в чем не бывало, он присоединился к процессии, шедшей вдоль увешанных гирляндами улиц к службе в церкви Айя-Софии, после чего провел несколько торжественных приемов в Большом Дворце, где старшим чиновникам вручались рождественские подарки, а вечером появился на большом пиршестве в трапезной Большого Дворца. Однако орфанотропа, очевидно, уведомили о коротком припадке, постигшем императора, ибо обычное расположение в застолье было изменено. Отныне Михаил сидел один за отдельным столом из слоновой кости, на виду всех знатных гостей, но никто не мог подойти к нему близко.

– Говорят, что такие болезни вызываются демоном в голове, – заметил вечером в караульне Хафдан, когда мы снимали с себя парадные доспехи.

– Возможно, – ответил я. – Но иные считают это неким даром.

– Это кто?

– Лопари Пермии. Я прожил зиму в семье одного их мудреца, и тот порой вел себя точно так же, как император, но у него дрожала не одна только рука. Иногда он падал на землю и лежал без движения в течение почти часа. Когда же при-

ходил в себя, то рассказывал нам, как его дух посещал иной мир. Такое может случиться с басилевсом.

– Коли так, то христиане не поверят, что он посещал какой-то там мир духов, – проворчал Хафдан. – Они не верят в подобное. Их святые являются на землю и творят чудеса, но никто не странствует в обратном направлении и не возвращается.

Оказалось, что я не ошибся. Шли недели, и необычное поведение Михаила проявлялось явственнее, а припадки длились все дольше. Иногда он сидел, что-то бормоча себе под нос, или начинал ритмично жевать, хотя во рту у него ничего не было. В других случаях он вдруг начинал бродить по дворцу в помрачении рассудка, пока столь же внезапно не приходил в себя, и тогда вертел головой, озираясь и пытаясь понять, где он находится. Караульные гвардейцы сопровождали, сколько это было возможно, почти ничего не сознающего басилевса, пока кто-нибудь бегал за дворцовым лекарем. Коль случалось встретить кого-либо, не знающего о нездоровье императора, на такой случай у гвардейцев был приказ встать вокруг басилевса и укрыть его от взглядов. Немногие врачи, посвященные в состояние Михаила, применяли опий и розовое масло, заставляли его пить мутную бурду из праха, собранного в их Святой Земле и растворенного в святой воде священного источника церкви в Пеге, стоящей сразу же за пределами городских стен. Но император не выздоровел. Скорее, стал еще более странным и непред-

сказуемым.

В то время как его недуг набирал силу, мои тревоги, напротив, словно бы стихли. Я рассудил, что после успеха порученных мне орфанотропом переговоров с Харальдом и его людьми Иоанн будет держать меня про запас как посредника во все время службы Харальда. Пелагея поддерживала во мне эту уверенность по вечерам, когда после смены я приходил потрапезничать в ее жилище – она всегда приносила свежие лакомства с рынка, где по-прежнему держала хлебный прилавок, – и мы сидели, толкуя, по видимости ради того, чтобы усовершенствовать мой греческий, но все больше потому, что ее общество стало для меня приятным отдохновением от полковой жизни, да еще потому, что я все больше ценил проницательность ее суждений о властных играх, наблюдаемых мною во дворце.

– Пока ты полезен орфанотропу, – говорила она, – тебе ничего не грозит. Нынче, когда у его брата нелады со здоровьем, ему хватает забот.

– Значит, сведения о состоянии императора просочились наружу?

– Само собой, – ответила она. – Мало что из происходящего во дворце не становится в конце концов сплетнями на рынке. Слишком много народу работает во дворце, чтобы тамошнее могло остаться тайным. Кстати, – добавила она, – твои бородатые друзья с севера, которых отправили вместе на кораблях в Диррахий, неплохо справляются. Тот сыр, что

я подала сегодня вечером к первому блюду, прибыл из Италии, а до недавнего времени достать его было почти невозможно. Итальянские сыровары не слишком охотно посылали к нам свои продукты – слишком много торговых судов попадало в руки арабских пиратов. А теперь сыр снова появился на рынке. Это хороший знак.

Я вспомнил этот наш разговор, когда получил следующий вызов к орфанотропу. На этот раз он оказался не один. Там присутствовали начальник флота, друнгарий, а также кентарх, по случайному совпадению тот самый, что прогнал нас с Харальдом с дромона. Оба они удивились и вознегодовали, что я вызван вместе с ними, но я постарался выказать все возможное уважение, снова устремив глаза на золотой нимб на иконе, и при этом очень внимательно слушал орфанотропа.

– Гвардеец, я получил странное письмо от судоводителя Аральтеса, ныне занятого охотой за пиратами. Он хочет, чтобы ты сопровождал следующий корабль с деньгами для нашей армии в Италии.

– Как прикажет ваше превосходительство, – бодро ответил я.

– Все обстоит не так просто, – сказал орфанотроп, – иначе я не вызвал бы тебя лично. Этот груз будет несколько иным, чем обычно. Аральтес – или Харальд, как, по твоим словам, называют его у вас – действовал весьма успешно. Его люди разрушили несколько пиратских стоянок и захватили или

потопили несколько сарацинских кораблей, однако не все. Один из самых опасных разбойников по-прежнему на свободе. Аральтес докладывает, что стоянка корабля находится в Сицилии, и варягам на их моноциклонах туда не добраться. Друнгарий согласен с этим. Он также утверждает, что несколько его военных кораблей пытались настичь этого разбойника, но не преуспели в этом.

– Судно оказалось слишком быстроходным, – стал оправдываться друнгарий. – Оно мощное, хорошо управляемое и смогло уйти от моих дромонов.

Орфанотроп не обратил внимания на это вмешательство в разговор.

– Очень важно, чтобы наша армия на юге Италии получила жалованье в ближайшие недели. Коль скоро этого не произойдет, воины падут духом. Им не платили полгода из-за того, что два последних корабля с жалованьем исчезли. Мы полагаем, что деньги были перехвачены все тем же пиратом. И он должен за это поплатиться. Либо этому разбойнику на редкость везет, либо, как считает Аральтес, пирату сообщают заранее, когда и куда направляется груз.

Я спокойно ждал, что скажет орфанотроп дальше. Пока что ни слова не было сказано о том, почему Харальд хочет, чтобы я сопровождал следующее судно с жалованьем.

– Судоводитель Аральтес предложил некую хитрость. Он предложил послать жалованье не обычным путем, то бишь сначала по суше, по имперскому большаку из столицы в

Диррахий, а оттуда уже морем в Италию. Он же предлагает отправить деньги морем на быстроходном корабле из Константинополя, вокруг Греции и прямо в Италию.

– Это безумная затея, ваше превосходительство. Вполне достойная варвара, – возразил кентарх. – Как можно полагать, что торговое судно с тем же успехом не будет перехвачено пиратом? А ведь невооруженный корабль вовсе беспомощен. Он станет еще более легкой добычей.

– Это еще не все, – невозмутимо продолжил орфанотроп. – Аральтес, кроме того, предлагает послать подложное судно с жалованьем в то же время и обычным путем, дабы отвлечь разбойника. Грузом послужат свинцовые слитки вместо золотых. Корабль пойдет с полным сопровождением, как будто везет настоящее жалованье, привезенное в Диррахий и погруженное на судно с усиленной охраной, каковую предоставит Аральтес. Судно-приманка отправится в Италию. И коль скоро лазутчики пирата донесут ему об этом и разбойник перехватит его, то на этот раз, он, возможно, погибнет. Тем временем настоящее жалованье беспрепятственно пройдет мимо.

– Если угодно вашему превосходительству, – вступил в разговор кентарх, – почему бы жалованье не доставить по морю, к примеру, на борту дромона? Ни один пират не осмелится напасть.

– Друнгарий утверждает, что это невозможно. У него нет свободных боевых кораблей, – ответил орфанотроп. – Все

дромоны уже в деле.

Краешком глаза я наблюдал за друнгарием. Он посмотрел на своего кентарха и пожал плечами. Друнгарий, подумал я, настолько же придворный, насколько моряк. Он не хочет рисковать – а вдруг имперский флот потеряет еще один груз золота? – и не хочет противоречить орфанотропу.

– Итак, каково твое мнение?

По тону я понял, что орфанотроп обратил свой вопрос ко мне, но я все еще не осмеливался посмотреть ему прямо в лицо и не сводил глаз с иконы на стене у него за спиной.

– Я плохо разбираюсь в морских делах, ваше превосходительство, – сказал я, тщательно выбирая слова, – но я бы предложил в качестве предосторожности направить моноциклоны, чтобы они сопровождали судно с золотом через ту область, где вероятнее всего орудует пиратский корабль, по меньшей мере, на такое расстояние, какое они способны преодолеть.

– Странно, что ты заговорил об этом, – заметил орфанотроп. – Именно то же предлагает Аральтес. Он говорит, что может послать два моноциклона навстречу грузу к южной оконечности Греции. Вот почему он просит, чтобы ты был на борту судна со слитками. Чтобы не было недоразумений, когда греческий судоводитель встретится с варяжскими.

– Как угодно вашему превосходительству, – ответил я. Хитрый план Харальда явно был по душе орфанотропу.

– Аральтес просит еще об одном. Он просит прислать ему

мастера и материалы для огня.

Стоявший рядом со мной кентарх чуть не подавился от удивления. Иоанн заметил это.

– Не волнуйся, – успокоил он кентарха. – Я вовсе не намерен вооружать огнем корабли варваров. В то же время я не хочу унижать Аральтеса. Он явно из тех, кто легко обижается. Он же просит не о сифоне для метания огня. Так что я пошлю ему мастера и материалы, но не сифон. Последнее было бы недопустимой ошибкой.

На подготовку ушло три недели. Сначала чиновникам логофета доместика – военного ведомства – пришлось выписать два набора приказов: один – обычный для подложного груза, а второй – секретный – для настоящего. После чего чиновники логофета дромоса, отвечающие за имперские дороги, произвели приготовления для сопровождающего конвоя, который пойдет из Константинополя в Диррахий. Держателям придорожных станций было приказано подготовить смену мулам, каковые повезут жалованье, равно как и лошадей для конного отряда. Эпарх дворцовой казны получил указания прямо от орфанотропа: он должен был отлить восемь сотен брусков свинца общим весом в тысячу золотых номизм – имперских монет, каковыми платят войскам. И последнее по порядку, но не по значению – военный флот должен был найти подходящее торговое судно для отправки настоящего груза.

Отправившись в Золотой Рог, чтобы осмотреть выбран-

ное судно, я должен был признать, что кентарх, коему это поручили, знает свое дело. Он выбрал корабль, известный здесь под названием доркон, или «газель». Для грузового судна двадцати шагов в длину корабль был необычайно легок и быстр. Он был о двух мачтах, с треугольными парусами и довольно мелкой осадкой, что позволяло идти близко к берегу, и с дополнительными гребными скамьями на шестнадцать человек, так что мог двигаться и во время штиля, а также благополучно проложить себе дорогу в гавань и обратно. Его кормчий сразу вызвал у меня доверие. Низкорослый мускулистый грек по имени Феодор, родом с острова Лемнос, содержал судно в полном порядке. Дав мне для начала понять, что он здесь главный, а я отвечаю только за груз, он стал вежлив и дружелюбен. Ему сообщили только то, что он должен плыть в Италию прямой дорогой и ожидать встречи на море с вспомогательными судами имперского флота. Что это будет за груз, ему не сказали. А он и не спрашивал.

В следующий раз я увидел Феодора в тот вечер, когда мы покидали гавань. В соответствии с секретностью нашего задания мы отплыли, как только сундуки со слитками были погружены. Водные стражники ждали нас. Они охраняли огромную железную цепь, натягиваемую поперек входа в Золотой Рог в сумерках, чтобы воспрепятствовать незаконному провозу товаров или нападению врага, и открыли проход ровно настолько, чтобы доркон мог проскользнуть в него и поймать благоприятное течение, которое доставит нас к

Пропонтиде, или Внутреннему морю. Глядя на черную громаду Константинополя, раскинувшегося на семи холмах, я припомнил тот день, когда прибыл сюда. Тогда размеры и великолепие Миклагарда вызвали у меня восторг. Теперь же город обозначился точками огней в многоквартирных домах, где тысячи и тысячи обычных горожан еще не спали. Неподалеку над водой сиял негасимый луч Константинопольского маяка. Множество его светилен было заправлено оливковым маслом, и оно горело в больших стеклянных кувшинах, призванных защитить пламя от ветра.

Доркон шел даже лучше, чем я ожидал. Мы взяли курс прямо на Пропонтиду, а это само по себе было мерилом мастерства нашего кормчего. Греческие моряки обычно останавливаются на ночь и бросают якорь в постоянных прибежищах или заходят в какой-то местный порт, а посему они держатся вблизи берега и редко теряют землю из вида. Но Феодор направился прямо к проливу, ведущему в море, которое он именовал Великим. Не зашел он и в гавань Абидоса, где империя держит пост досмотра и где всякое торговое судно должно остановиться и заплатить пошлину. Караульная лодка, встревоженная сигналами с оного поста, сумела перехватить нас, но я показал грамоту с полномочиями, выданную мне старшим хартулярием орфанотропа, и нас пропустили. В грамоте говорилось, что мы идем по срочному государственному делу и не подлежим задержанию. Я отметил, что Иоанн поставил свою подпись пурпурными чернилами.

Скатав свиток со свинцовой печатью, я собрался было уложить его в свою сумку, как вдруг ветер выхватил из сумки сложенный лист пергамента и понес по палубе. Феодор ловко перехватил листок, прежде чем тот исчез за бортом, и возвращая его мне, глядел на меня вопросительно. Разумеется, он разглядел, что это карта. Я собирался показать ее позже, однако почему бы и не сейчас.

– Этой картой снабдил меня кормчий того корабля, что выйдет нам навстречу, – сказал я, разворачивая пергамент. – Он прислал ее с нарочным из Диррахия в ведомство дромоса в Константинополе для передачи мне. Здесь указано место, где мы должны встретиться с нашим сопровождением.

Грек глянул на очертания берега, нарисованные на пергаменте, и сразу же узнал берег.

– Как раз за мысом Тенар, – сказал он, потом пожал плечами. – Твоему кормчему ни к чему было утруждать себя. Я знаю это побережье так же хорошо, как родной порт. Ходил вдоль него столько раз, что и не упомню.

– Ну, лучше знать точно, – сказал я. – Здесь отмечено, где его корабли будут ждать нас.

И я поставил палец рядом с руной, начертанной на пергаменте. Вспомнив, что Халльдор говорил мне, что Харальд сведущ в древних знаниях, я понял, что это тайнопись.

– Что это за знак? – спросил Феодор.

– Первый знак из того, что можно назвать алфавитом, коим пользуется мой народ. Он называется «феху» и означает

домашний скот или богатство.

– А вот это? – спросил капитан.

Вертикальная черта с одной косой перекладиной была начертана рядом с берегом немного дальше к северу.

– Это «наут», знак нужды или горя.

Грек, внимательно разглядывая карту, заметил:

– Для чего он здесь поставлен? На том берегу ничего нет, кроме голых утесов. Нет там места, где можно было бы пристать в случае бури. Глубокая вода прямо у суши, и негде высадиться. В мгновение ока разнесет на куски. Разумней обойти это место.

– Не знаю, зачем, – сказал я, ибо недоумевал не меньше, чем он.

С каждой милей, пройденной нашим судном, я обнаруживал различия между дорогой по Великому морю и плаванием в холодных северных водах. Синева моря здесь гуще, гребешки на волнах на темном фоне белее и ярче, а сами волны живее. Они строятся и перестраиваются, как в быстром танце, и никогда им, так кажется, не обрести весомости и величавости океанских валов. Тогда я сказал об этом Феодору, и его ответ был серьезен.

– Видел бы ты, каково здесь в бурю, – предостерег он. – Просто безумие. Крутые волны рушатся друг на друга, накатываясь с разных сторон, чтобы сбить с толку рулевого. И каждая столь велика, что способна утопить корабль. А что хуже всего – никаких тебе предзнаменований близящегося

ненастья. Оно является при ясном небе и приводит море в ярость прежде, чем успеешь убрать парус.

– А у тебя случались кораблекрушения? – спросил я.

– Ни разу, – сказал он и осенил себя знаком креста. – Но не дай бог убаюкать себя спокойствием. Великое море повидало много кораблекрушений, начиная с Одиссея во времена наших первых мореходов и до самого святого Павла.

В это время доркон шел вблизи берега под высоким мысом, и грек указал на его вершину. Там, на высоте, виднелся двойной ряд близко стоящих белых колонн, увенчанных связью из белого камня. Сооружение сверкало яркой белизной.

– Видишь? Это храм старым богам. На каждом большом мысе ты найдешь либо такой храм, либо какой-нибудь могильный холм.

На мгновение мне показалось, что он говорит о моих исконных богах, но потом я понял, что он имеет в виду богов, которым поклонялся его народ прежде, до того как уверовал в Белого Христа.

– Их строили так, чтобы мореходы, проходящие мимо, могли их видеть, – продолжал кормчий. – Надо полагать, в те времена моряки молились на эти храмы, прося у своих языческих богов послать им благополучное плавание, или возносили благодарения за успешное завершение странствия. Вроде как я сегодня перед отплытием засветил свечку и вознес молитву святому Николаю Мирскому, покровителю мореходов.

– А кто были эти старые боги?

– Не знаю, – ответил он. – Но это было что-то вроде семьи во главе с богом-отцом, а другие боги отвечали за погоду, за урожай, за войну и все такое.

Очень похоже на моих богов, подумал я.

Наш корабль добрался до места куда скорее, чем можно было ожидать, и когда мы обогнули мыс Тенар, где нас должны были встретить два корабля Харальда, море было пусто. Отсутствие двух моноциклонов меня не удивило, но мне с трудом удалось убедить Феодора подождать еще несколько дней. Он прекрасно знал, что мы входим в воды, где хозяйничают пираты, но не меньше его тревожила близость этого опасного берега.

– Я же говорил тебе, – он указал на виднеющуюся вдали линию берега, – там нет ни единой гавани, и коль скоро поднимется ветер, жди беды.

В конце концов он согласился подождать три дня, и мы провели их, ходя в полветра то туда, то сюда и стоя по ночам со спущенными парусами. Каждое утро на мачту поднимали впередсмотрящего в деревянной люльке, и он сидел там, глядя на север, откуда мы ожидали прибытия кораблей Харальда.

На рассвете третьего дня, когда впередсмотрящего подняли наверх, он, оглядевшись, издал предупредительный крик. Какой-то корабль приближался с юго-запада. Феодор вскочил на поручни, уставился в ту сторону, потом спрыгнул на

палубу и бросился ко мне. Всякий намек на обычное для него дружелюбие исчез. Ярость и подозрение смешались на его лице.

– Значит, вот зачем ты настаивал, чтобы мы ждали? – кричал он, схватив меня за руку и притянув к себе. Из его рта невыносимо несло какой-то дрянной рыбной подливкой, излюбленной тамошними моряками. Мгновение мне казалось, что сейчас он меня ударит.

– О чем ты? – не понял я.

– Вон там! – крикнул он, кивая в сторону отдаленного паруса. – И не говори, что ты этого не ожидал. Мне давно следовало понять это. Ты предатель-дикарь. Ты врал, будто ждешь конвоя. Это сарацинский корабль, и он в два раза больше нашего, а ты – причина, почему он оказался здесь так вовремя.

– Как ты можешь быть уверен, что это арабское судно? Этого никто не может узнать на таком расстоянии, – защищался я.

– Ха, я могу! – проревел капитан, сильнее впиваясь пальцами в мою руку. – Смотри, как оно оснащено. Три треугольных паруса на трех мачтах. Это арабская галея из Сицилии или…

– Успокойся, – прервал я его. – Я понятия не имею, как этот корабль оказался именно здесь и именно сейчас. Но даже если ты мне не веришь, мы зря теряем время. Ставь все паруса, вели гребцам занять свои места и правь к северу. Я

уверен, наши караульные корабли давно в пути, и мы встретимся с ними прежде, чем сарацины настигнут нас.

Грек с горечью рассмеялся.

– Бесполезно. Если я не ошибся, и этот корабль – сарацинский, далеко нам все равно не уйти. Ты знаешь, что значит галея? Это слово значит «рыба-меч», а коли ты видел рыбу-меч, как она бросается на жертву, ты бы знал, что они нас нагонят. Вероятно, к полудню, и деться нам некуда. Нет даже гавани, где мы могли бы укрыться.

Его слова напомнили мне о карте, присланной Харальдом. Я порылся в сумке и вытащил пергамент.

– Послушай, а как насчет вот этого? – я указал на руну «наут». – Этот знак поставлен здесь не случайно. Это место, куда нам следует идти, если мы попадем в беду.

Капитан посмотрел на меня с неприязнью.

– Почему я должен тебе верить? – проворчал он.

– Можешь не верить, – ответил я. – Но коли ты прав, и этот арабский корабль такой ходкий и опасный, как ты говоришь, выбора у тебя нет.

Он немного подумал над этим, потом сердито повернулся и отдал приказ ставить все паруса, а потом взяться за весла.

Став у кормила, он направил доркон под углом к дальнему берегу. На меня он вообще не смотрел, но, сжав зубы, сосредоточился на том, чтобы выжать из своего корабля все, что можно.

Даже самый невежественный моряк увидел бы, что наш

корабль – не пара арабской галее. Для торгового судна наш корабль весьма быстроходен и легок, но сарацин был построен исключительно для морской погони. Он нес гораздо больше парусов и очень умело управлялся. Хуже того, ему помогал южный ветер, и он начал нагонять нас слишком уж резво, его нос резал море и взбивал завитки белой пены, так что было неизвестно, успеем ли мы хотя бы дойти до берега. Мне уже доводилось в море уходить от погони, тогда нас преследовали длинные корабли, и мы получили временную передышку, перевалив через песчаную отмель и уйдя в воды, слишком мелкие для наших врагов. Но теперь у нас не было и такого выхода. Берег приблизился, и я убедился, что он совершенно неприступен, – перед нами высилась крепостная стена утесов.

Арабский корабль был, без сомнения, пиратом. Когда он подошел к нам ближе, стало видно, что на борту у него по меньшей мере восемь десятков человек, гораздо больше, чем требуется для захвата любого торгового судна, и по тому, как они выполняли свои обязанности, то были опасные мастера своего дела. Они безупречно установили три огромных паруса, потом выстроились на наветренном борту, чтобы уравновесить судно, и ждали там. Они не кричали и не подбадривали друг друга, но спокойно и хладнокровно в полном молчании ожидали, будучи уверены в результате погони. На носу корабля я заметил лучников, сидящих со своим оружием и тоже ждущих, когда мы окажемся на досягаемом рас-

стоянии.

Феодор понимал, что наше положение безнадежно, но все же, забыв о страхе, принял вызов. Всякий раз, обернувшись и увидев, насколько сократилось расстояние между кораблями, он не менялся в лице, но просто поднимал взгляд, чтобы проверить, стоят ли паруса наилучшим образом, потом снова поворачивался лицом к приближающимся утесам. После трех часов погони мы находились не более чем в миле от берега, и я убедился, что Феодор прав. В обе стороны миля за милей тянулась голая стена скал желтовато-коричневого цвета, выжженных солнцем и совершенно пустынных. Темное море вздымалось и опадало у их подножья. Либо галея преследователей настигнет нас и возьмет на сцепку, либо мы просто разобьемся о скалы. В пятидесяти шагах от скал наш кормчий повернул руль, и судно побежало вдоль опасного места, так близко, что можно было слышать крики морских птиц, гнездящихся на высоких уступах. Здесь ветер, отражаясь от скальных обрывов, стал переменчивым, паруса заполоскали, и мы потеряли скорость.

– Весла на воду! – рявкнул Феодор.

Моряки гребли изо всех сил, но совладать с такой неспокойной водой было почти невозможно, да и гребцы они оказались не ахти какие. К тому же все были ошеломлены и напуганы, но, нужно отдать им должное, они были почти столь же молчаливы, как и пираты-преследователи. Только время от времени слышались всхлипы от усилий или отчаянья, ко-

гда люди налегали на вальки весел.

Разумеется, я тоже сидел на гребной скамье. Мне доводилось грести на длинном корабле, я умел обращаться с веслами, но все старания наши были тщетны. Единственная была надежда – а вдруг оттуда, с севера, появятся две ладьи Харальда. Но всякий раз, когда я оглядывался через плечо, море оказывалось пустым. С одного борта, теперь почти вровень с нами, подвигалась арабская галея. Пират приспустил паруса, чтобы не обогнать свою жертву. Половина его гребцов, примерно сорок человек, гребли, сохраняя расстояние. Ясное дело, кормчий не хотел слишком близко подходить к утесам, чтобы не повредить судно. Я подумал, что он будет тянуть время, пока мы не выйдем на более открытое место, а потом приблизится и возьмет нас.

Мы подходили к низкому мысу, выступу в стене скал, не позволявшему видеть берег за ним.

– Внимание, ребята! – крикнул капитан. – Я посажу корабль на мель, коль увижу подходящее место. Тогда уж спасайтесь, всяк кто как может. Бросайте весла, прыгайте за борт и бегите. А пока подналягте, гребите что есть сил и ждите моего приказа.

Доркон уже шел, кренясь, мимо мыса, так близко, что я мог бы добросить камешек до скал. Пиратская галея тоже подошла ближе. Просвистели одна-две стрелы. Лучники стреляли наудачу – а вдруг удастся подранить кого-нибудь из наших гребцов. Не многих, разумеется, ибо покалеченные ра-

бы стоят дешевле.

Стал виден берег за мысом. Справа – широкий мелкий залив, окруженный все теми же утесами и скалами. Места для высадки не было. Феодор резко мотнул головой в мою сторону, и я, бросив весло, подошел к нему, стоявшему у кормила. Вид у него был почти что спокойный, он смирился с судьбой.

– Вот место, помеченное на твоей карте, здесь нам следует быть в случае нужды. Но я ничего не вижу.

Я окинул взглядом пространство залива. Впереди, примерно в полумиле, я заметил узкий проход в скалах, а дальше – опять стена.

– Вон там, – указал я. – Может быть, там мы найдем, где высадиться. И может быть, этот проход слишком узок, чтобы арабское судно могло пройти за нами. Если сможем ускользнуть туда, будем надеяться, у нас будет несколько минут, чтобы бросить корабль и бежать.

– Попытаться стоит, – проворчал капитан и повернул кормило.

Мы подошли ближе, держа на расщелину. Но вблизи стало ясно, что я все-таки ошибся. Проход был шире, чем я надеялся, а значит, наш доркон может пройти в него, но пиратское судно тоже может это сделать, коль у кормчего хватит смелости. Наверное, кормчий арабов подумал о том же, ибо не стал беспокоить нас, когда мы приблизились к тому месту, где два низких рифа выступали из воды, оставляя узкий про-

ход. Наши преследователи были столь уверены в себе, что перестали грести: равномерные взмахи весел прекратились. Они ждали и смотрели.

Полоща парусами, наш доркон скользнул в проход. Мы вошли, и я понял, что мы обречены. Мы оказались в природной гавани, маленькой бухточке, почти полностью окруженной желтыми голыми скалами, поднимающимися уступами ввысь. В них был замкнут круглый водоем, шагов сорок в поперечнике. Здесь вода была бледно-голубой и такой прозрачной, что видно было песчаное дно в десяти футах под килем. С отчаяньем я понял, что этой глубины хватит и для арабской галеи. И ни единого дуновения ветерка. Окружающие бухточку утесы кое-где нависали над водой так, что камни с этих выступов могли обрушиться прямо на нашу палубу. Мы нашли убежище, отмеченное на карте и, окажись мы здесь хотя бы на день раньше, могли бы укрыться и спокойно ждать Харальда. Я ошибся.

– Мы в ловушке, – спокойно сказал Феодор.

Вдали послышался крик. Должно быть, предводитель арабов у входа в пролив приказал своим людям убрать парус, готовясь провести их более крупный корабль на веслах. Потом послышался скрип канатов в деревянных блоках и стало ясно, что арабы опускают еще и реи. Они не спешили, зная, что мы в полной их власти.

– Спасайся всяк как может! – крикнул Феодор. Команду не нужно было торопить. Люди стали прыгать в воду – чтобы

доплыть до берега, требовалось сделать всего лишь несколько взмахов. В глубине бухточки виднелся уступ, на который можно было взобраться. Оттуда еле видимая козья тропа вилась вверх по камням. Если не станем медлить, нам, быть может, удастся убежать прежде, чем до нас доберутся охотники за рабами.

– Мне очень жаль… – начал было я, но Феодор оборвал меня:

– Поздно жалеть. Уходи.

Я прыгнул за борт, он последовал за мною мгновение спустя. Мы покинули корабль последними, оставив его тихо покачиваться на спокойной воде.

Я выбрался на каменный выступ, подал руку Феодору и втянул его на берег. Он двинулся по цепочке мокрых следов там, где наши люди карабкались по козьей тропинке. Сверху доносился шум падающих камней – люди спешили.

Обернувшись, я увидел арабское судно, осторожно пробирающееся в проходе между скалами. Оно шло почти впритирку, грести было невозможно, и несколько пиратов, стоя на палубе, длинными шестами проталкивали корабль в бухту.

Я повернулся и полез наверх, спасая свою жизнь. Перед тем как прыгнуть в воду, я скинул башмаки, а теперь обдирал босые ступни об острые камни. Я оскальзывался и хватался за что только мог, смотрел вверх, пытаясь различить тропу. Земля и мелкие камешки, сбитые греком, сыпались

на меня. Я был меньше чем на середине дороги, когда догнал его. Места, чтобы обогнать, не было, так что я остановился, задыхаясь от напряжения, и кровь стучала у меня в ушах. Я оглянулся на бухточку.

Арабская галея уже стояла борт о борт с нашим брошенным кораблем, и с дюжину грабителей уже перебрались на палубу доркона. Они поднимали крышку люка, скоро доберутся и до ящиков со слитками. Крики, донесшиеся снизу, сказали мне, что предводитель арабов – я легко отличил его по тюрбану из ткани в красную и белую полоску – приказал нескольким своим людям последовать за нами и поймать нас.

Вдруг какая-то точка пролетела на фоне утеса на дальнем конце бухты. Я было подумал, что это обман зрения, пылинка в глазу или одна из тех черных точек, что порой проплывают перед глазами, когда человеку не хватает воздуха. Но за ней последовали еще две, и я увидел всплески там, где они упали в воду. Что-то падало с выступа скалы. Я вгляделся туда и заметил какое-то движение в низких кустах. То была рука, метнувшая что-то. Снаряд пролетел по воздуху, описывая долгую дугу и набирая скорость, пока не угодил на палубу галеи. От прикосновения с палубой он взорвался. Я с изумлением наблюдал за этим. Пролетело еще несколько снарядов. Тот, кто бросал их, уже приноровился. Один-два первых снаряда упали в воду, но остальные четыре или пять угодили на пиратское судно.

Снизу послышались тревожные крики. Те, кто перебрал-

ся на доркон, начали карабкаться обратно на свой корабль, а предводитель бросился на корму. Он кричал на своих и подгонял их, размахивая руками. Один из арабов подобрал с палубы снаряд, который не взорвался, и бросил его за борт. Я разглядел, что это глиняный горшок размером с человеческую голову. Сарацины сохраняли порядок, хотя их и застали совершенно врасплох. Те, что плыли к берегу, повернули вспять, к своему кораблю. Другие рубили канаты, которыми привязали галею к захваченному доркону, и принялись отталкиваться от него. Остальные заняли свои места на скамьях и вставили весла в уключины, однако бухта была слишком мала, чтобы галея в ней могла развернуться. Предводитель арабов прокричал что-то, и гребцы ударили веслами. Они табанили, пытаясь выйти из узкого прохода задним ходом.

Тем временем глиняные горшки продолжали сыпаться на них. От нескольких, ударившихся о палубу, вспыхнул огонь. Он пошел по полотняным парусам, аккуратно свернутым на реях. Эти полотнища стали огромными фитилями, и я видел, как языки пламени бегут по реям, потом охватывают просмоленные снасти и взбираются по мачтам. Упало еще несколько огненных горшков. Они разбились, и, разливаясь по палубе, из них потекла темная жидкость. Иногда жидкость сама собой вспыхивала. Иногда она растекалась, пока не соприкасалась с уже разгоревшимся пламенем, а вспыхивала уже потом. За несколько мгновений палуба галеи уже

вся была охвачена огнем – лужи огня расширялись, сливались и разгорались еще ярче.

Сарацин охватила паника. Завитки горящей жидкости бежали под скамьи. Один гребец вскочил и в отчаянии сбивал огонь со своей одежды. Его товарищи на скамьях бросили свое занятие и попытались помочь ему погасить пламя. Им это не удалось, и я видел, как гребец бросился за борт, в воду.

И тут я увидел нечто такое, в возможность чего никогда бы не поверил. Горящая жидкость из огненных горшков текла по водоотливам, стекала по обшивке и расплывалась по поверхности воды, продолжая гореть. Она горит даже в воде! И тут до меня дошло, что я своими глазами вижу, как действует то ужасное оружие, каким был погублен флот русов, когда они напали на Царьград два поколения назад. Это и есть греческий огонь.

Когда огонь разгорается, его нельзя остановить или потушить или направить в другое русло. Пылающая жидкость разлилась по палубе галеи, затекла в трюм, побежала по гребным скамьям и окутала судно чадящими языками огня. Расширяющееся пламя лизало бока брошенного доркона, и вскоре наш корабль тоже запылал. Дым от двух горящих кораблей поднимался вверх. Столбы огня крутились и ревели. Огненная лужа расширялась и двигалась, захватывая несчастных арабов. Одни закутывали лица тюрбанами, чтобы защититься, и тщетно пытались сбить пламя. Большая часть прыгала в огненную воду. Я видел, как они пытались

поднырнуть под плывущую шкуру огня. Но когда выныривали, чтобы глотнуть воздуха, то втягивали огонь в легкие и снова уходили под воду, чтобы больше никогда не всплыть. Горстке все-таки удалось выбраться на чистую воду, вынырнув за пределами огня, и они пустились в проход между скалами. Но и этот путь к спасению оказался закрыт. Теперь напавшие на них уже не скрывались.

Вдоль скал по камням продвигались вооруженные воины. Крупные, с тяжелыми бородами, в штанах, повязанных снизу крест-накрест, в кожаных безрукавках – я узнал их сразу: это люди Харальда из Норвегии. С длинными копьями в руках они встали там, где их оружие могло достать плывущих. Мне вспомнилось, как рыбаки в северных краях ждут на речном берегу или на галечной отмели или у рыбной запруды, готовясь нанизать на копье идущего на нерест лосося. Только здесь они нанизывали людей. Ни одному из плывущих не удалось уйти через проход.

Пятеро же пиратов сумели добраться до каменистого мыса подо мной и выбраться на сушу. И тут меня оттолкнул в сторону какой-то норвежец, он вел десятерых своих товарищей вниз по козьей тропе к выступу. На этот раз врагов не убили, потому что арабы пали на колени, умоляя о пощаде.

– Эй, Торгильс, лезь-ка сюда, наверх!

То был веселый зычный голос Халльдора. Я увидел его на дальней губе утеса, он махал мне рукой. Я отвернулся от бойни. Зрелище умирающих людей оставило неизгладимый

след в моей душе. За несколько недель до того в Константинополе я видел какого-то изувера Белого Христа, на рыночной площади он обращался к толпе со страстной речью. Мне он показался полубезумным, ибо грозил своим слушателям ужасными карами, коль скоро они не раскаются в своих грехах. Они попадут в бездну, кричал он, их ждет страх и ужас, они будут гореть в муках. Эта картина была очень схожа с той, что я видел только что.

– Вы использовали нас как наживку! – упрекнул я Халльдора, поднявшись на вершину утеса и обнаружив человек сорок норвежцев, очень довольных собой. Неподалеку был устроен лагерь, скрытый в складках земли, горстка палаток, где они обосновались в ожидании, когда можно будет защелкнуть капкан.

– Да уж, наживка была что надо, – ответил Халльдор, торжествующе ухмыльнувшись и блеснув белыми зубами сквозь бороду.

– Могли бы по крайней мере предупредить меня, – сказал я, все еще недовольный.

– Так оно было задумано. Харальд решил, что ты поймешь значение рунических знаков на карте и, поняв, будешь столь доволен собой, что не станешь думать ни о чем другом, лишь бы выполнить поручение. А это пойдет только на пользу делу.

От его ответа мне стало еще тошнее. Меня, как и арабских пиратов, одурачили.

– А что, если бы наш корабль пришел сюда раньше, либо арабские пираты появились позже? Ваш прекрасный замысел рухнул бы.

Халльдор ничуть не каялся.

– Опоздал бы араб, тогда бы слитки благополучно дошли бы до места. А появись вы раньше и укройся в этой бухте, он начал бы вас искать. Разумеется, мы бы в этом ему помогли, привлекли бы его внимание дымом от нашего костра или каким-нибудь иным способом.

Я оглядел отряд норвежцев. Их было слишком мало, чтобы напасть и потопить самое мощное сарацинское судно в этих краях.

– Неужели ты не понимаешь, как здорово это придумано? – продолжал Халльдор, будучи не в состоянии скрыть свою радость. – И пираты, и этот начальник-евнух в Константинополе решили, что здесь задуман двойной обман. Начальник думал, что мы приманим пиратов поддельным грузом, а настоящие слитки благополучно дойдут. Пираты возомнили, что разгадали этот замысел и что они без труда захватят вас. Но Харальд играл в тройную игру. Он решил использовать настоящий груз как настоящую приманку, и смотри, как хорошо все вышло.

– А если бы галея догнала нас в море и захватила бы и нас, и золото?

Халльдор пожал плечами, отмахиваясь от моего вопроса.

– На этот риск Харальд готов был пойти. Я же говорил,

ему везет в бою.

Я огляделся.

– А где же сам Харальд?

– Он доверил засаду мне, – ответил Халльдор. – Мы наткнулись на эту бухту, когда искали стоянки пиратов на побережье. Харальд тут же понял, что здесь можно устроить отличную засаду. Но он считает, что имперское чиновничество настолько пропитано соглядатаями и предателями, что нужно принять все предосторожности. Он послал лишь половину своих людей сюда, чтобы их отсутствие не было замечено в Диррахии, а сам со своими кораблями остался там. Они придут через день-другой, и Харальд с ними.

Наверное, вид у меня все еще был недовольный, потому что Халльдор добавил:

– Есть еще одна выгода. Хитрость Харальда обнаружила источник, из которого пираты получали сведения. Он должен находиться в ведомстве дромоса. Кто-то, кто ведает исполнением указа о доставке золота, сообщает сарацинам время и место нападения. Харальд подозревал это, так что, посылая карту с рунами, подстроил еще одну западню.

Я вспомнил чиновников дромоса, сопровождавших меня во время моего первого посещения лагеря Харальда в Мамасе. Даже тогда я подумал, не научился ли кто-то из толмачей дромоса норвежскому языку.

– Ты хочешь сказать, что соглядатай должен уметь прочесть рунические знаки, коль скоро он смог понять значение

карты, – подытожил я. – А стало быть, нетрудно отыскать того, кто обладает этим знанием. Халльдор кивнул.

– Скажи об этом своему кастрату, когда вернешься в Константинополь.

Сам Харальд прибыл на сторожевой ладье к тому времени, когда Халльдор и его люди начали спасать грузы с двух сгоревших судов. Глубина в бухте была столь невелика, что обнаружить сундуки со слитками с доркона не составило труда. Их содержимое осталось невредимо. Потом ныряльщики Харальда занялись поисками того, что затонуло вместе с галеей. Ко всеобщему восторгу, оказалось, что судно было нагружено добычей, ранее захваченной пиратами. Огонь повредил множество ценных вещей, а морская вода разрушила многое из того, что избежало огня, но все равно там осталось немало такого, что стоило взять. Наиболее ценной оказалась церковная утварь, награбленная по христианским городам, – серебряные блюда и миски, а также алтарные покровы. Ткани превратились в почерневшие тряпки, но жемчужины и полудрагоценные камни шитья уцелели. И были добавлены к растущей груде драгоценностей.

– Одна шестая отойдет государственной казне как доля императора, остальное – нам. Таково правило, – обрадовался Халльдор, когда очередная куча добычи, с которой стекала вода, была поднята на поверхность.

Харальд, как я заметил, очень внимательно следил за всеми находками. Он доверился своим людям, когда те без его

пригляда устроили западню, но когда дошло до раздела добычи, постарался, чтобы каждый предмет был в точности учтен. Он стоял у сколоченного наспех стола, на который для рассмотрения выкладывался каждый найденный предмет, и наблюдал за подсчетом его стоимости. Когда принесли кучу серебряных арабских динаров, причем монеты от жара сплавились в ком, он трижды приказывал взвесить их, прежде чем удовлетворился.

Глядя на него, я не мог не размышлять о том, что творится в глубине его души. Я видел, как он лежал, распростершись, на мраморном полу перед басилевсом, считавшим себя представителем Белого Христа на земле, и я опасался, что удачный исход его предприятия окажется шагом на пути, ведущем Харальда к принятию христианской веры. Ему нетрудно будет соблазниться богатством и роскошью. Стоя с этими людьми – Харальдом, Халльдором и несколькими его советниками, – я видел, как ценнейшие из всех вещей с галеи ложились на стол. Христианский крест – без сомнения, украденный из какого-то богатого монастыря или церкви: каждая ветвь креста по меньшей мере в три пяди длиной, толщиной же с мужской палец, покрыта литыми узорами. Еще будучи послушником в ирландском монастыре, я понял: чтобы сотворить такую вещь, необходимо быть человеком, преданным вере. Этот великолепный крест лежал на голом столе, поблескивая тусклым сиянием, присущим только золоту.

Халльдор с восхищением провел пальцами по этому пред-

мету искусства.

– Сколько это стоит? – подумал он вслух.

– Взвесь его – и мы узнаем, – последовал резкий ответ Харальда. – За каждый фунт золота дают семьдесят две номизмы.

Если Харальд по природе своей склонен идти за каким-либо богом, подумал я, то это не Белый Христос, а богиня Гулльвейг. Брошенная в огонь на погибель, Гулльвейг, чье имя означает «сила золота», всегда является в еще большем блеске, чем прежде, она – истинное воплощение трижды переплавленного золота. Но она же – коварная и злобная ведьма-богиня, и внезапно меня кольнуло дурное предчувствие: присущая Харальду жажда золота приведет его к гибели.

Глава 4

– Ваше превосходительство, Харальд обезвредил пиратов и теперь собирается вернуться в Константинополь, – доложил я орфанотропу Иоанну, вернувшись в столицу. – Он доставил золото в Диррахий, там купит греку Феодору вместо потерянного другой корабль, и на том корабле жалованье для армии продолжит путь в Италию. Вполне возможно, в данный момент они его уже получили.

– Этот Аральтес действует, не дожидаясь приказа, – заметил орфанотроп.

– Такова его природа, ваше превосходительство.

Орфанотроп некоторое время молчал.

– Среди чиновников процветает мздоимство, – проговорил он, – и сведения о том, что у пиратов в ведомстве дромоса есть свой человек, весьма полезны, но не слишком неожиданны.

Эти слова прозвучали так, что я задумался, не собирается ли министр использовать этого обнаруженного предателя в своих целях. Иоанн равно мог покарать этого человека или под угрозой кары заставить работать на себя. Я даже испытал некое сочувствие к этой его жертве, чье положение мало чем отличалось от моего собственного.

– Доверяет ли тебе Аральтес? – резко спросил евнух.

– Не знаю, ваше превосходительство. Он не из тех, кто

легко дарит доверие.

– В таком случае, я желаю, чтобы ты завоевал это его доверие. Когда он вернется сюда, ты будешь помогать ему всем, чем считаешь нужным, чтобы завоевать его доверие.

Когда я вечером рассказал Пелагее о своем новом назначении, она исполнилась дурных предчувствий.

– Торгильс, похоже, тебе никогда не выпутаться из государственных дел, сколько ни пытайся. Судя по твоим рассказам о Харальде, это человек замечательный, но и опасный тоже. В любом столкновении интересов между ним и орфанотропом ты окажешься посредине. Незавидное положение. На твоем месте я бы попросила помощи у своего бога.

Ее замечание заставило меня спросить у нее, знает ли она что-нибудь о старых богах, которым поклонялись греки до того, как стали последователями Белого Христа.

– Феодор, кормчий-грек, с которым я плавал, – сказал я, – указал мне на разрушенный храм на одном мысе. Он сказал, что старые боги были как семья. Вот я и думаю – может быть, это те же боги, кому мы поклоняемся в северных странах.

Пелагия пожала плечами.

– Я не сумею тебе ответить на этот вопрос. Я не набожна. Да как мне быть набожной, коль мне дали имя в честь раскаявшейся блудницы? – Сообразив, что эти слова требуют пояснения, она продолжала насмешливо: – Святая Пелагея была уличной шлюхой, а потом уверовала и стала монахиней. Она одевалась, как одеваются евнухи, и жила в пещере на

Масличной горе в Святой земле. Да она и не единственная блудница, исполнившая свой христианский долг. Мать Константина, основавшая этот город, до того держала постоялый двор, где продавала желающим не одно только дешевое вино и черствый хлеб. Но, заметь, именно она нашла Истинный крест и могилу Христа в Святой Земле.

Убедившись, что мне искренне хочется узнать побольше о старых верованиях, Пелагея смягчилась.

– Есть тут у нас на Мессе здание, называемое Базиликой, рядом с Мильоном. Оно битком набито всякими старыми, никому не нужными статуями. Иные хранятся веками, и, может статься, там ты найдешь каких-нибудь старых идолов. Вот только не уверена, сможет ли кто-нибудь назвать их тебе.

На другой день я без труда отыскал эту Базилику и дал старику-сторожу несколько монет, чтобы он позволил мне поглядеть. Разумеется, меня интересовало, кто были эти старые боги и почему их сменили. Я надеялся узнать что-то такое, что помогло бы спасти моих богов Севера от подобной участи.

В Базилике было темно и мрачно. Череда залов была наполнена запыленными статуями, расставленными без всякого порядка – иные повреждены, иные лежат на полу или небрежно прислонены друг к другу работниками, принесшими их сюда. Солнечный свет попадал только на главный дворик, где хранились самые крупные. Все было свалено так, что протиснуться между ними было трудно. Бюсты бывших

императоров, части триумфальных колонн и всевозможные мраморные обломки, головы без тел, лица с отбитыми носами, всадники без лошадей, воины без щитов или со сломанными мечами и копьями. То и дело я наталкивался на мраморные доски с надписями – разных размеров и толщины, они когда-то красовались на пьедесталах, именуя статуи, стоявшие на них. Я читал имена давно умерших императоров, забытых победителей, неведомых побед. Где-то в этой куче скульптур, думал я, лежат изваяния тех, о ком говорят эти надписи. Совокупить же их снова было делом невозможным.

Я стоял перед мраморной плитой, пытаясь разобрать стертые буквы, когда за моей спиной раздался голос с присвистом:

– Какого размера ты ищешь?

Я повернулся и увидел какого-то старика. Шаркая ногами, он явился из-за нагромождения фигур. На нем был безобразный шерстяной плащ с замахрившимся подолом.

– Лучшие плиты уходят очень быстро, но можно найти большие с трещинами. Отрежь поврежденные куски и пускай их в дело.

Я понял, что старик ошибочно принял меня за человека, ищущего кусок мрамора. Пелагея говорила, что в городе предпочитают использовать мрамор отсюда, с этой свалки.

– А я и не знал, что здесь хранится столько брошенных статуй, – сказал я.

Старик чихнул; пыль забивала ему нос и глаза.

– Городским властям не хватает места, – пояснил он. – Всякий благотворитель, изваяв новый памятник, желает поместить его в центре города, чтобы его видело побольше народу. Но центр уже переполнен. Ничего удивительного – вот уже семь сотен лет, как мы начали ставить памятники. Вот и сносят что-нибудь и, чтобы поменьше тратиться, используют старые цоколи. Теперь уже мало кто может припомнить, кому или чему посвящена прежняя статуя. И это не говоря о статуях и монументах, которые сносят, когда нужно построить новый жилой дом, или которые падают из-за небрежения или во время землетрясений. Городской совет не желает раскошеливаться на то, чтобы поднять их и вернуть на место.

– Я хотел бы взглянуть на старейшие статуи, – небрежно сказал я, не желая быть заподозренным в том, что я язычник. – Может быть, найду кого-то из древних богов.

– Ты не первый такой, – сказал старик, – хотя вряд ли тебе повезет. Трудновато превратить античного бога в нового человека. – Он хихикнул, по-прежнему полагая, что я – ваятель, ищущий дешевого и легчайшего способа выполнить заказ, переделав старую статую.

– Ты не мог бы сказать, где тут стоит поискать?

Старик пожал плечами.

– В этом я тебе не помощник, – коротко ответил он. – Ищи, где хочешь.

И окончательно утратив интерес к разговору, он отвер-

нулся, а я про себя заметил, что когда отвергают старых богов, те уходят в забвение.

Несколько часов я бродил по Базилике. Нигде не нашел я статуи, походившей бы на кого-то из моих богов, хотя и нашел кого-то, кто явно был морским богом, ибо имел рыбий хвост и в руке держал раковину. Но то не был Ньерд, мой бог моря, посему я решил, что он принадлежит к другой вере. В каком-то углу обнаружилась мускулистая фигура, щеголяющая лохматой бородой, и я решил, что наткнулся на Тора. Но вглядевшись повнимательней, я понял, что ошибся. Неведомый бог держал в руке дубинку, а не молот. Ни один истинный верующий не преминул бы изобразить Мьелльнир или железные рукавицы Тора и дающий силу пояс. Другая статуя, вызвавшая у меня надежды, изображала корчащегося человека, прикованного к скале. Он явно испытывал мучения, и я решил, что это, может быть, злохитрый Локи, коего боги покарали, привязав его к скале, как веревками, кишками его же сына. Но не увидел ничего похожего на змею, яд которой капал бы на лицо Локи, когда бы его верная жена Сигюн не собирала ее в чашу, не было и самой Сигюн. Это изваяние осталось загадкой, но больше всего я огорчился, не найдя здесь даже намека на бога, коего ожидал увидеть, – Одина. И среди всех надписей не нашлось ни единой руны.

Я дошел до самого конца последнего склада, когда, наконец, наткнулся на изображение, каковое мог с точностью определить. То была резьба на плите, имеющей отверстия

для крепления, – когда-то она была выставлена на всеобщее обозрение, – а изображены на ней были три норны, три женщины, прядущие судьбы всех живущих. Одна из них прядет нить, другая отмеряет, а у третьей в руках – ножницы. Пока я разглядывал эту плиту, мне пришло в голову, что она, пожалуй, содержит поучение, каковое мне следует помнить. Даже сами боги не в силах изменить судьбу, спряденную норнами, а уж мне и подавно не по силам изменить предрешенную участь исконной веры. Лучше попытаться понять, что идет ей на смену.

Возможно, эту мысль в меня вложил сам Один, ибо очень скоро он устроил так, что это мое желание исполнилось. Вернувшись в казармы гвардии, я обнаружил там послание из секретариата Иоанна. В нем сообщалось, что я прикреплен к отряду Аральтеса и должен служить толмачом между ним и архитектором Тирдатом на время предприятия, имеющего великую важность. Я показал это послание Пелагее и спросил, знает ли она, кто он, этот Тирдат, чем он занимается или куда едет. Она же пришла в недоумение.

– Все в городе знают имя Тирдата, – сказала она, – но это не может быть тот человек. Тот был архитектором и восстанавливал храм Айя-Софии, Святой Мудрости, поврежденный землетрясением. Но это случилось во времена моего деда. Тот Тирдат сейчас, должно быть, давно уже в могиле. Он был армянин и непревзойденный зодчий. Все в один голос говорят, что ни у кого больше не хватило бы таланта произ-

вести столь искусный ремонт. Может быть, этот Тирдат его внук или внучатый племянник. Ведь должность архитектора потомственная.

– А что за таинственное предприятие огромной важности, о котором пишет орфанотроп? Нет ли в рыночных слухах ключа к разгадке этой тайны?

– Ясное дело, это как-то связано с басилевсом, – ответила она. – Его болезнь – хотя ты по-прежнему не хочешь считать ее болезнью – не проходит. На самом деле ему стало даже хуже. Теперь приступы случаются чуть ли не каждый день. Врачи не смогли излечить его, и Михаил обратился к священникам. Он становится все более и более набожным, говорят, прямо до безумия. Он полагает, что может обрести излечение, молясь Богу и творя богоугодные дела.

– До возвращения Харальда в Константинополь мне нужно еще кое-что выяснить у тебя, – продолжил я. – Об этом я не докладывал орфанотропу, но Харальд просил меня найти наилучший способ обратить его долю добычи с пиратского корабля в наличные или в золотые слитки. И ему хотелось бы сделать это тайно, чтобы власти ничего не проведали.

Пелагея тонко улыбнулась.

– Твой Харальд уже приобретает привычки этого города. Но, я еще раз тебе повторяю, тебе следует быть осторожным. Коль орфанотроп прознает, что ты, не известив его, помогаешь Харальду обратить добычу в наличные на черном рынке, тебе не поздоровится.

– А я скажу ему, что выполняю его же волю – завоевываю доверие Харальда. Разве не лучший способ для достижения этой цели – стать посредником в его денежных делах?

– Какую добычу может предложить Харальд? – напрямик спросила Пелагея, и я напомнил себе, что она женщина деловая.

– В основном серебряные и золотые вещи. Тарелки, кубки, кувшины и все такое, монеты из разных стран, кое-какие ювелирные изделия, немного жемчуга. Этот пират совершал береговые набеги и захватывал торговые суда, прежде чем попался. На его галее чего только не было. Наши ныряльщики достали со сгоревшего корабля маленький глиняный кувшин, завернутый в солому и тщательно уложенный в клеть – поэтому он и не разбился. Увидев его, Феодор, грек, вдруг разволновался. Он прочел клеймо и сказал, что это краска, которую везли на имперскую шелковую прядильню.

– Еще бы тут не разволноваться, коль видишь кувшин с пурпурной краской! – воскликнула Пелагея. – Эту краску получают из морских раковин, а чтобы выкрасить одно-единственное императорское одеяние, нужна вытяжка из двенадцати тысяч раковин. На вес-то эта краска гораздо ценнее чистого золота.

– Где может Харальд продать такие вещи, не привлекая к себе внимания?

Пелагея задумалась, а потом сказала:

– Ему придется иметь дело с человеком по имени Симеон.

Числится он аргиропратом, торговцем серебром. Но занимается и золотом и драгоценными каменьями. На самом же деле есть и еще кое-что, чем он занимается, – он дает деньги в рост. Считается, что он этим брезгует, но восемь процентов – перед таким соблазном он не смог устоять. Цеху ростовщиков наверняка об этом известно, но они ему не мешают, полагая для себя небесполезным иметь под рукой человека, время от времени совершающего сделки для них, не занося в книги. Однако лучше будет для начала мне самой переговорить с Симеоном. На Мильоне у него меняльная лавка, недалеко от хлебного рынка, и в лицо мы друг друга знаем. Коль мне удастся свести Симеона и Аральтеса, за такое знакомство я спрошу, ну, положим, полпроцента.

Пелагея сдержала слово, и оказалось, что полпроцента – такова цена услуг, каковые Симеон готов предоставить Аральтесу. Аргиропрат всегда умудрялся сыскать тех, кто готов платить серебром или золотом за парчу, шелка, коробочки со специями, священные предметы и даже – однажды – за пару львят. За последних хранителю зверинца басилевса в Большом Дворце пришлось заплатить баснословную цену.

Харальд вернулся в Константинополь незадолго до праздника Вознесения и едва успел встретиться с Симеоном с глазу на глаз – я при этом был толмачом – до того, как получил подробные указания насчет своего нового назначения: его отряд должен был быть приведен к присяге как отряд загородных варягов с постоянным жалованием и посто-

янным местожительством, сам же Харальд должен выбрать двадцать своих лучших людей и явиться на борт боевого корабля, стоящего под погрузкой в гавани Букефалон.

Копию этого приказа прислали мне с заметкой на полях, сделанной старшим хартулярием орфанотропа, в коей сообщалось, что я должен сопровождать Аральтеса. Я уже давно жил в Константинополе и знал, что гавань Букефалон предназначена для кораблей, используемых императорской семьей. Насколько мне было известно, единственный боевой корабль, стоявший там, был быстрый дромон самого басилевса. И я никак не мог понять, почему Харальд и его люди должны быть на борту.

Молодой человек с умным лицом, встретивший меня на палубе дромона, быстро прояснил обстоятельства. Этот человек, склонный к полноте, с массой блестящих вьющихся черных волос, состоял на государственной службе и был, похоже, из тех, кто всегда готов найти повод для улыбки или шутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.